

Владимир
САНИН

БЕЛОЕ ПРОКЛЯТИЕ

Русская проза

Русская проза (Вече)

Владимир Санин

Белое проклятие (сборник)

«ВЕЧЕ»

2017

Санин В. М.

Белое проклятие (сборник) / В. М. Санин — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Русская проза (Вече))

ISBN 978-5-4484-7124-7

На модном северокавказском горнолыжном курорте в разгар сезона сложилась лавиноопасная обстановка. Спецотряд под руководством Максима Уварова пытается предотвратить стихийный сход снегов с помощью направленных взрывов. Однако на сей раз опытный взрывник терпит неудачи — сход лавин неизбежен... В книгу известного писателя Владимира Марковича Санина (1928—1989) вошли повести «Белое проклятие» (экранизирована в 1987 году, в главных ролях — Лембит Ульфсак, Александра Яковлева, Виктор Бычков и др.), «В ловушке» и «Трудно отпускает Антарктида». В этих ярких драматических произведениях автор, основываясь на собственном опыте, исследует удивительные и порой непредсказуемые особенности поведения человека в ситуациях на грани невозможного.

ISBN 978-5-4484-7124-7

© Санин В. М., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

В ловушке	5
Возвращение	5
Этюд из личной жизни полярника	11
Два друга	13
Филатов и Бармин	20
Сказка для детей	24
Удачная попытка	27
Рановато флаг поднимать...	32
«Беда, Николаич...»	35
В ловушке	39
Логика	45
Гаранин	48
Бармин	52
Нужно спешить	57
Запуск	60
Белов	64
Пришла беда – открывай ворота	67
Филатов	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Владимир Санин

Белое проклятие

В ловушке

*Василию Сидорову,
замечательному полярнику и другу —
с любовью*

Возвращение

Нынешний год для Семенова был везучий.

Во-первых, остался живой. Медведи редко нападают на человека, чувствуют в нем ровню, что ли, а этот выскочил из-за тороса, попер напролом. Голодный и злой был зверюга, сало свое проел, шкура болталась — как с чужого плеча. Такого первой пулей срезать — в лотерею машину выиграть.

Вторая удача — хорошо, почти что безупречно отдрейфовал. Говорят, Лыдина попалась удачная, верно, а ведь выбирал-то ее сам! Полмесяца искал, пока не нашел, уж очень хитро пряталась она за крепостными стенами торосов — три на четыре километра, ровненькая, молодая, но крепкая. За год дрейфа по ней трижды проходили трещины, и тоже удачно: ни людей, ни домиков, ни оборудования океан не проглотил, и сменщикам досталась вполне обжитая станция. «Легкая у тебя рука, Сергей, — радовался Кириллов, сменный начальник. — Или Полярную Звезду умаслил?» Каждый бы на его месте радовался: будто с квартиры на квартиру переехал Кириллов со своими ребятами, даже ремонта делать не надо.

Ну, и третья удача — только что в гостинице уговорил Веру продать путевки в Сухуми («Подумаешь, золотой сезон — сто человек на квадратный метр пляжа!») и вместе с Андреем и Наташей махнуть на машинах по стране — куда глаза глядят. С трудом, но уговорил. Весь дрейф об этом мечтали — на месяц-другой окунуться в бродячую жизнь.

И хватит, продолжал размышлять Семенов, нельзя, чтобы одному человеку бессовестно везло. Кто-то сказал, что количество удач в мире неизменно, и если тебе судьба улыбается, значит, другого удачу обходят стороной. К тому же, когда они идут навалом, одна за другой, какой-то критерий теряешь, что ли. Слишком много удач так же демобилизует человека, как слишком много неудач: такого он может не выдержать. Промежутки должны быть между ними, мостики...

Семенов шел по Невскому проспекту, с интересом поглядывая на встречных людей и беспричинно улыбаясь, что вызывало недоумение прохожих; одна женщина даже пожала плечами, неправильно истолковав доброжелательный взгляд этого странного человека. А Семенову просто было хорошо. Коренной москвич, он любил Ленинград, город, из которого не раз уходил в Антарктиду и улетал на Лыдины, здесь он прощался с Большой землей и здоровался с ней тоже здесь. Ноги, еще не успевшие отвыкнуть от полупудовых унтов, сами собой шли безо всяких усилий, вместо многослойной тяжелой одежды тело невесомо облегал плащ, и сугробов тебе никаких, ветерикшко пустяковый — живут же люди! Так бы и ходил без усталости с утра до ночи, глядя на разных людей — разных, в том-то все и дело! — на витрины, улицы и на всю эту кипящую жизнь, которую на станции только в кино увидишь. И привычно удивлялся себе: жил ведь на Большой земле, не в полярке родился, а до первой зимовки никогда не ценил вот таких

необыкновенных вещей, как эти деревья в скверике. Стоят себе, колышут бездумно желтеющими листочками и ведать не ведают, сколько в них радости и смысла.

У Аничкова моста Семенов, как добрым знакомым, подмигнул вставшим на дыбы коням, глубоко и радостно вдохнул в себя сырой ленинградский воздух и свернул с Невского на Фонтанку. Отсюда до Института было несколько минут ходу, и Семенов почувствовал привычное волнение, какое испытывал всегда, когда приезжал в Институт. После долгих зимовок и экспедиций по этому асфальту шли самые знаменитые полярники и тоже, наверное, волновались при виде Института...

Вспомнил Семенов, как много лет назад пришел сюда в первый раз, худым, неоперившимся птенцом. Начальник кадров Муравьев, крестный отец двух поколений полярников, хмуро повертел в руках документы, спросил в упор:

– Куда хочешь?

– Куда пошлете! – Семенов вытянулся, руки по швам.

– Послать тебя... это я могу, – проворчал Муравьев. – Крепкие морозы с ветерком любишь?

– Не очень... – ответил Семенов и испугался, запоздало подумав, что другой ответ был бы начальнику приятнее.

– Смерти боишься? – И взгляд, будто щуп, до самых печенок.

– Боюсь, – честно признался Семенов.

– Во сне храпишь?

– Храплю, – безнадежно кивнул Семенов.

– Теперь сам посуди. – Муравьев стал загибать пальцы. – Морозов не любишь, смерти боишься, во сне храпишь. Ну какой из тебя полярник? Могу позвонить на завод радиоизделий, там техники нужны.

– Спасибо, – уныло сказал Семенов. – Дайте, пожалуйста, мои документы.

– Куда пойдешь?

– Не знаю еще... Может, в Архангельск, там приятель живет.

– А на Скалистый Мыс радистом хочешь?..

– Хочу?!

– Чего орешь, не глухой. Оформляйся.

Долго еще в Институте вспоминали зеленого новичка, который не любит морозов, боится смерти и храпит. Семнадцать лет как испарился тот новичок, но вместе с ними навсегда ушло и то, чего не заменишь положением и опытом, – телячий оптимизм, весело бегущая по жилам кровь и каждый день открытия.

По годам идешь, как вверх по лестнице – с каждой ступенькой все труднее. Тот зеленый новичок порхал и подпрыгивал, а начальник станции шествует, усмехнулся Семенов. Впрочем, подумал он, многие печалются этой неравноценной замене – молодости на опыт, а предложи вернуться назад – редко кто согласится. Радости вновь пережить – пожалуй, а невзгоды и ошибки?

– Сергей, где твоя борода?

– Там же, где твоя – на веники пошла!

В Институте коридоры длинные, за три часа не обойдешь. Сделав шаг – кореша встретил. Обнялись, помяли друг друга по полярной привычке.

– Как Лыдина?

– Позавчера была целехонькая.

– Верно, что тебя медведь чуть не схарчил?

– Информация ошибочная, наоборот, я – его!

– С возвращением, Николаич! – приветствовал Семенова загорелый бородач в кожаной куртке. – Отдрейфовал?

- Спасибо, Палыч. А ты где обитаешь?
- Только-только от пингвинов вернулся, на «Оби».
- В Мирном как, пальмы не расцвели?
- Путаешь, Николаич! – Бородач ухмыльнулся. – Пальмы – они на твоём Востоке.
- Не наступай на больную мозоль, – вздохнул Семенов. – Пионерскую и Комсомольскую прикрыли, а теперь и до Востока добрались...
- Да, закрыли твой Восток на учет, – посочувствовал бородач. – Ну а сейчас куда махнешь?
- Резерв главного командования, в отпуск собираюсь.
- Слышали? – Бородач остановил приятелей. – Такую гаубицу в резерве держат!
- Недолго, Сергей, будешь ржать, – включился один из них. – Станцию для тебя новую открывают... Только – молчок, секрет пока что!
- Где? – простодушно спросил бородач.
- На самой северной точке... Южного берега Крыма!
- Посмеялись, поговорили, разошлись.
- Семенов? – удивился невысокий франтоватый человек с холодным, не улыбающимся лицом. – Ты же, говорят, только вчера прилетел, что здесь делаешь?
- Старая артиллерийская лошадь услышала зов полковой трубы, – отшутился Семенов. – Свешников на шестнадцать тридцать вызвал.
- Стружку снимать? Натворил чего на Льдине?
- Не знаю. – Семенов пожал плечами. – Вроде бы не за что.
- А вот здесь ты ошибаешься, начальство всегда найдет!.. Шучу. – Макухин, однако, не улыбнулся. – Зачем же он тебя вызвал?.. Шумилин вроде все антарктические станции укомплектовал... Кстати, Семенов, начальником следующей экспедиции будто прочат меня. Пойдешь ко мне замом?
- До следующей полтора года, трудно загадывать, – уклончиво ответил Семенов.
- Твоя голова, думай. – Макухин покровительственно похлопал Семенова по плечу. – Гаранин Андрей с тобой вернулся?
- Семенов кивнул.
- Его бы тоже взял, начальником аэрометотряда, – с тем же покровительством в голосе продолжал Макухин. – Ну, бывай!
- Семенов задумчиво посмотрел ему вслед. Предложение заманчивое, пожалуй, принял бы его, исходи оно не от Макухина. Опыта и личного мужества у него не отнимешь, всю полярку прошел с низовки, во всех переделках побывал, а зимовать с ним не любили. Почему? Трудно сказать, какие-то штрихи, пустяки. Ну хотя бы то, что за общий стол не садился, подчеркивал дистанцию. Или с самого начала зимовки выбирал человека послабее и делал из него «мальчика для битья». Или: спиртное разрешал коллективу только по праздникам, а себе – когда появлялось желание. Спорить с ним боялись, приказы выполняли по-армейски, но когда среди полярников распространили анкету с вопросом: «С каким начальником ты хотел бы зимовать?», Макухина почти никто не назвал. А начальство ценило, для начальства самое главное, чтобы выполнялась программа и не случались ЧП... За себя-то Семенов был спокоен, на него Макухин бросаться не станет, но Андрей и слышать его фамилию не мог. А без Андрея, и думать нечего, никуда Семенов не пойдет. Пусть с Макухиным зимует другой...
- Здравствуйте, Сергей Николаич!
- Женька? – Семенов с удовольствием пожал руку молодому крепышу с русым хохолком и открытым лицом человека, у которого нет в мире врагов, да и откуда им взяться, если он никому ничего плохого не сделал. – Куда судьба забросила?
- На Врангель сватают, в бухту Роджерса. А я вас искал, в гостинице Вера Петровна сказала, что вас Свешников вызвал.

- Так я ведь прилетел только, в отпуск собираюсь... Как нога?
- Хоть вприсядку, Сергей Николаич!

С механиком-дизелистом Дугиным Семенов несколько лет назад отзанимал на Востоке и почти весь прошлый год – на Лыдине, до несчастного случая, когда Женку вывезли с переломом ноги. Дугин Семенову нравился. Сдержанный, на редкость исполнительный, он легко входил в коллектив, с полуслова подхватывал приказы и, случалось, без подсказки одергивал ребят, вылезавших из оглоблей. Семенов ценил такую преданность, верил Дугину: дизель Женка мог разобрать и собрать с закрытыми глазами, на тракторе по Лыдине раскатывал, как на велосипеде, знал сварочное и взрывное дело.

– Езжай пока что, – с сожалением сказал Семенов. – На Врангеле повеселее будет, чем на нашей ледяной корке. Поохотишься, порыбачишь.

– Какая там охота! – вздохнул Дугин. – Оленей, говорят, колхоз поставляет, а в море разве рыбалка?

– Не скажи, в августе туда гуси канадские прилетают тучами, – подбодрил Семенов. – Ну не пропадай!

– Если что, так я на крыльях, только знать дайте, – попросил Дугин.

– Договорились, Женя. Координаты твои те же? Лады. Может, и сведет судьба.

Не знал тогда Семенов, что сведет, и не раз! Небозримы полярные широты, а дорог, по которым ходят люди, там не так уж и много, то и дело перекрещиваются.

– Здравствуй, Сергей, – Свешников поднялся и приветливо протянул Семенову могучую руку. – Заматерел ты, брат, раздался, впрок, видно, идет тебе полярное питание на свежем воздухе. В газете о тебе писали, слышал? Наступает молодежь на пятки, вот-вот под это кресло клинья начнет подбивать!

– Петр Григорьевич... – с упреком произнес Семенов.

– Отдрейфовал ты прилично, – продолжал Свешников, – скажем, на четверку. Можно было бы даже с плюсом, если бы не перерасход спиртного.

– Два ящика с коньяком при подвижках льда... – начал было Семенов.

– Расскажешь своей бабушке, – усмехнулся Свешников. – Загадка природы! Почему-то на всех станциях в авралы страдают в первую очередь именно ящики с коньяком! Устал?

– Нормально, Петр Григорьевич, «Москвич» в гараже бьет копытом, в путешествие собираемся – с Гаринными.

– Поня-ятно. – Свешников на мгновение призадумался. – Идея хорошая...

Зазвонил телефон, Свешников жестом указал Семенову на стул и завел с кем-то длинный и, судя по первым словам, деликатный разговор. Голос его раскатисто гремел, этакий густой, как сгущенка, баритон, даже удивительно было, как выдерживает такой напор телефонная трубка, затерявшаяся, казалось, в огромной ладони. Семенов отключился – неприятно слушать чужие тайны – и с почтительной симпатией покосился на хозяина кабинета. Массивный, лишний жирок появился, все реже надевает Петр Григорьевич свои издаваемые виды унты... А силы в нем были немереные, все помнили случай, когда провалившуюся под лед упряжку в одиночку вытащил и, сам мокрый насквозь, полсутки до берега добирался. Из первопроходцев – не любил ходить по чужим следам. Что поделаешь, годы, от них и скалы выветриваются...

Семенов уважал Свешникова и его полярную мудрость. От него в свой первый дрейф он научился тому пониманию полярного закона, которое дается только жизнью на трудной зимовке, и не раз и навсегда, как некая догма, а как метод, которым следует пользоваться в зависимости от обстоятельств. «Спасай товарища, если даже при этом ты можешь погибнуть, – учил Петр Григорьевич. – Помни, что его жизнь всегда дороже твоей». Если б только говорил, но Свешников так и поступал, и потому сформулированный им главный закон зимовки врезался в память, как буквы в гранит, – навсегда. Всего лишь год прозимовал Семенов под началом Свешникова, но тот год оказался очень важным, и за него Семенов был благодарен судьбе.

– Как он станцией будет командовать, если женой не научился? – продолжал греметь Свешников.

Семенов стал смотреть на большую, во всю стену, карту мира, на которой разноцветными линиями и стрелами, как на картах полководцев, отмечался дрейф станций «Северный полюс» и маршруты кораблей в Северном и Южном Ледовитых океанах. Вот по этой извилистой линии дрейфовала его последняя Лыдина, год жизни шел по этой линии; а вот и Скалистый Мыс – еще несколько лет жизни, Антарктида... Мирный... Восток...

– «Кто на Востоке не бывал, тот Антарктиды не видал», помнишь? – слышался голос Свешникова. – Соскучился по своему Востоку?

Семенов вздрогнул. Свешников с улыбкой на него поглядывал, развалился в своем кресле.

– Почему это по моему? – возразил Семенов. – Станцию-то открыли вы, я только ключи от вас получил.

– Померзли мы тогда, Сергей, как не мерзла еще ни одна собака.

– Было дело, Петр Григорьевич... А жаль!

– Чего жаль?

– Восток, слово-то какое – Восток! – а закрыли, законсервировали, как банку с грибами!

– Ишь, критикан! Не в свою епархию лезешь.

Семенов молчал.

– То-то же... Совсем на своей Лыдине от субординации отвык. Думаешь, у одного тебя за станцию душа болит?.. Банка с грибами... Консервным ножом пользоваться не разучился?

– Это к чему? – ошеломленно спросил Семенов.

– Да ты же в отпуск собрался, – будто бы вспомнил Свешников. – Что ж, после дрейфа отпуск положен, отдыхай, набирайся сил. Кстати говоря, у Макухина на тебя виды, замом собирается сватать.

В словах Свешникова было что-то принужденное, стороннее.

Семенов весь подался вперед, его душила догадка.

– К чему это – насчет консервного ножа?

– Отдохнешь, – Свешников явно уклонился от ответа, – отчет о дрейфе сдашь и подключишься к Макухину. Знаю, что не очень его жалуешь, ничего, притреться друг к дружке, сработаетесь... Что, рад? Повышение тебе в руки идет, благодарить начальство в таких случаях положено!

– Не для того вы меня вызвали, Петр Григорьевич...

– Смотри ты, каким телепатом заделался... А ведь точно, не для того. Сам-то догадываешься?.. Решение принято только вчера. Будем в этом сезоне расконсервировать Восток. Молчишь?

– Думаю, Петр Григорьевич...

– А я тебе еще ничего и не предлагал. О Востоке – так, в порядке информации... Да, слушаю вас. – Свешников прижал к уху трубку. – Привет тебе, Николай Алексеич, привет... Да, буду жаловаться в горком, это тебе правильно доложили... В Антарктиде, сам знаешь, людям податься некуда, а твой кинопрокат заваливает нас такой рухлядью, что даже пингвины деньги за билет требуют обратно! Так что уж расстарайся... А что есть? Ну, читай список...

Семенов вытер с бровей пот. Не торопись, подумай, Сергей... Вера... дети... сколько можно воспитывать их радиogramмами... Не торопись, Сергей...

Семенов недвижно уставился на карту, взгляд его застыл на крохотной точке в глубине Антарктиды. Точка... Два года отдано, чтобы вдохнуть в нее жизнь.

Семенов любил Восток и гордился его исключительностью. В первую зимовку бывало, что весь научный мир следил за его радиogramмами, ожидая все новых сенсаций, в июле – августе Восток чуть не каждый день бил мировые рекорды, 80... 82... 85 градусов ниже нуля! А тот незабываемый день – уже в другую зимовку, когда вышли они с Андреем на метеоплощадку

и, глазам своим не веря, уставились на отметку 88,3... Полюс холода, геомагнитный полюс Земли, уникальнейшая точка планеты – станция Восток... Нет большей чести для полярника – первому обжить такую точку, закрепить за людьми форпост, откуда они будут штурмовать Центральную Антарктиду. Тем, кто пришел следом, было полегче, и открыли, может, они для науки побольше, но первый шаг сделали Свешников, Семенов и его ребята, и первый дом построили они. И Лыдины любил, и другие станции, где доводилось зимовать, а сердцем был верен Востоку. Потому так тяжело и переживал, когда дошло до него, что станция законсервирована. В то время он дрейфовал и не знал толком, в чем дело, то ли санро-гусеничный поезд с топливом через зону застругов не пробился, то ли со снабжением произошли неувязки, но чья-то рука поставила на Востоке крест. Так обидно было, будто полжизни зря прожил, будто на твоих глазах чиновничий бульдозер срыл дело рук твоих.

И вот теперь Востоку приказано воскреснуть. И он, Семенов, может вдохнуть в него жизнь!

Свешников положил трубку, взглянул на Семенова и нажал кнопку звонка. Заглянула секретарша.

– Минут десять ни с кем не соединяйте.

– Я согласен, – сказал Семенов.

– Вижу. Хорошо подумал?

Семенов кивнул.

– Ты-то меня не беспокоишь, – задумчиво проговорил Свешников, – на «Оби» отдохнешь, отоспишься... Другое дело – Вера... Вряд ли она разделит твой энтузиазм, друг ты мой.

– Вряд ли, – искренне признался Семенов. – Предвижу серьезные, но преодолимые трудности.

– Ситуация знакомая, сам не раз преодолевал... Честно, Сергей, мне бы хотелось, чтобы Восток расконсервировал именно ты. Но – ты знаешь меня, не обижусь – скажи слово, и пойдет другой.

– Не скажу, Петр Григорьевич... – Семенов покачал головой. – Предложили бы любое другое дело – может, и сказал бы. А на Восток пойду. За честь и доверие большое спасибо!

– Заговорил... как стенгазета... Ты мне станцию оживи, чтоб задышала и запела, – тогда сам тебе спасибо скажу... Ну, к делу. «Обь» через месяц с небольшим уходит, времени, сам понимаешь, у тебя в обрез. Что надо будет, сразу ко мне, Востоку все отдам – любого человека из экспедиции, кого хочешь. Займись в первую очередь людьми, особенно первой пятеркой, которая будет расконсервировать станцию. Помнишь, Георгий Степанович говорил: «Товарища по зимовке выбирай – как жену выбираешь. Жизнь твоя от него зависит». Ну, иди. Не завидую тебе, нешуточное дело – на второй год подряд увольнительную получить!

Семенов вышел из кабинета, в голове у него гудело, как после доброго стакана спирта. В приемную уже набилось много людей, кто-то из них приветливо произнес:

– С возвращением, Сергей Николаич!

Семенов рассмеялся, извинился за непонятный товарищу смех и быстро пошел в гостиницу: Вера небось уж заждалась.

Этюд из личной жизни полярника

Оркестр неожиданно заиграл полузабытую мелодию, и они пошли танцевать.

– Этот вальс постарел вместе с нами, – сказала Вера. – У него такие же морщины, как у меня.

– Ты очень красива, – сказал Семенов. – Прости, я стал совсем неуклюж.

Сердце мое, не стучи,
Глупое сердце, молчи...

– Какая она грустная. – Вера кивнула на певицу. – Наверное, жена полярника или моряка.

– Вернемся, на нас смотрят. Я разучился танцевать.

– На твоих ногах уже унты?

Их столик был расположен удачно, в дальнем и тихом углу.

– Не пей больше, Сережа.

– Сегодня коньяк для меня – вода. Улыбнись, прошу тебя. Будь как на той фотокарточке, которая на обоих полюсах со мной прозимовала.

– Ты любишь ее, а не меня, твоя жизнь прошла с ней... Мы женаты пятнадцать лет, из них дома ты был четыре с половиной года.

– Четыре года и восемь месяцев, родная моя Пенелопа.

– Я не Пенелопа, Сережа. Пенелопа сделала ожидание своей профессией. Она могла это себе позволить, ей не надо было спешить на работу, бегать в кулинарию и кормить детей.

– Но ты же знаешь...

– Знаю... Знаю все, что ты скажешь. И призвание, и наука, и высокие широты...

– Через это я уже прошел, дорогая. Но Восток...

– И это знаю... Я сто раз обмирала по ночам, когда представляла тебя там, в этой космической стуже. Да, Восток – твоё детище, Сережа. Но ведь, кроме этого детища, которое можно законсервировать, у нас есть двое детей, которых законсервировать нельзя... И самое грустное для них, что я все понимаю и не лягу у порога, чтобы удержать тебя.

– Спасибо.

– Нынешний год високосный.

– Это так важно?

– На один день больше ждать.

– Один день!

– Не день, сутки. С каждым годом все тяжелее, Сережа... Наверное, возраст.

– Ты для меня всегда двадцатилетняя.

– Только для тебя.

– Этого мало?

– Много. – Вера взъерошила ему волосы. – Очень много... Другой судьбы у нас уже не будет.

– Тебе не повезло, ты полюбила полярника... Ну вот, наконец-то ты улыбнулась.

– Знаешь, еще в детстве, совсем девчонкой, я загадала однажды: если завтра кончатся дожди и будет солнце, моя жизнь сложится счастливо.

– И наутро были дожди?

– Солнце встало, Сережа.

– Я вернусь и больше тебя не оставлю.

– Не обманывай себя, тебе, как белому медведю, нужен снег. Такова уж, видно, моя участь на этой земле – ждать и дни считать. Налей мне тоже, я хочу быть пьяной. Иначе я сейчас же разревусь. За что будем пить?

– Помнишь, ты дала мне на Льдину маленький томик стихов? Там были такие слова: «Как будто бы железом, обмокнутым в сурьму, тебя вели нарезом по сердцу моему».

– Сережа, я немедленно разревусь. За что будем пить?

– За твое долготерпение, дорогая. За твою любовь.

– Ну хорошо. Будь здоров.

Два друга

Семенов проводил Веру ночным поездом – утром ей на работу. Договорились, что на субботу и воскресенье он будет прилетать в Москву.

– Полных восемь дней вместе! – бодро подсчитал он.

– Если украдешь у меня хотя бы один из этих дней...

– Пусть меня забракуют медкомиссия! – поклялся Семенов.

– Хорошо бы... Смотри, если на небе есть Бог – Он слышит!

А утром из Москвы прилетел Гаранин.

– Что случилось? – войдя в номер, спросил он.

– Ничего особенного. – Семенов продолжал водить по щеке электробритвой. – Раздевайся, сейчас будем завтракать.

– Надеюсь, ты меня вызвал срочной телеграммой не для того, чтобы вместе позавтракать?

– В частности и поэтому. – Семенов продул бритву, сполоснул лицо. Словно гора с плеч свалилась – Андрей приехал!

– Я обещал Наташе и сыну, что к вечеру вернусь, – выжидательно глядя на Семенова, сказал Гаранин.

– К сегодняшнему вечеру?

– Конечно.

– Образцовый муж и отец! – похвалил Семенов. – Пошли.

В буфете они взяли шипящую яичницу на сковородках, сосиски и кофе.

– Ну? – не выдержал Гаранин.

– Ты ешь, ешь, пока не остыло.

– Да говори же, какого черта!

– Боюсь испортить тебе аппетит.

Давясь, Гаранин проглотил яичницу и сосиски.

– Ну, бей, – потребовал он. – Потерял отчет о дрейфе?

– Если бы... – вздохнул Семенов.

– Что-нибудь... со Лединой?

– Тьфу-тьфу, не сглазить бы, все в порядке... Принято решение расконсервировать Восток.

– Когда?

– В эту экспедицию.

– Кто идет начальником?

– Я.

– Так... А заместителем?

– Ты.

Гаранин молча допил кофе.

– Где Вера?

– Вчера проводил домой. Еще выпьешь?

– Пожалуй.

Семенов принес еще две чашки кофе.

– Как твои? – спросил Семенов.

– За двое суток еще не разобрался. Наташа здорова, у Андрейки была корь. Сегодня должен пойти в школу.

– Вера говорила – отличник.

Гаранин кивнул.

– Что в институте?

– Шум, кавардак, неразбериха. «Обь» уходит десятого ноября, и, как всегда, ничего не готово.

– Почему прислал телеграмму, а не позвонил?

– Наташа тебя бы не отпустила.

– Думаешь, соглашусь?

– Надеюсь.

– Напрасно.

– Поживем – увидим.

Они возвратились в номер, уселись в кресла, закурили.

– Люкс, – осматривая мебель, заметил Гаранин. – Даже с телевизором.

– Здесь и будем жить.

– Ты – будешь. Я сегодня же улетаю домой.

– Никуда ты не улетишь.

– Почему ты так решил?

– Потому что вечером нас ждет Свешников.

– Тебя он ждет, а не нас!

– Отпустишь меня на Восток одного? – сделав глубокую затяжку, спросил Семенов.

– Знаешь, кто ты?

– Ну кто?

– Грубый шантажист! – Гаранин встал и прошелся по номеру. – Представляешь, с каким лицом я скажу Наташе и Андреюке...

– Хорошо представляю. – Семенов кивнул. – Не забыл со вчерашнего дня.

– Мне хочется тебя отлупить!

– Пожалуйста, даже пальцем не шевельну.

Гаранин уселся в кресло и задумался.

– Ты твердо решил?

– Восток, Андрей! Восток!

Гаранин невесело усмехнулся.

– Когда, говоришь, уходит «Обь»?

– Десятого ноября.

– Через тридцать четыре дня.

– Если считать сегодняшний – тридцать пять.

– Люди подобраны?

– Ждал тебя.

– Тогда чего время терять, давай прикидывать.

Семенов встал.

– Ну, Андрей, вовек не забуду! – Он подошел к шкафчику, вытащил початую бутылку коньяку. – По рюмочке – за Нее, за Удачу?

– А что Георгий Степаныч говорил? – проворчал Гаранин. – «Днем лучше два раза поесть, чем один раз выпить».

– Легко на помине, – Семенов улыбнулся. – Свешников его вчера цитировал: «Товарища по зимовке выбирай...»

– ...как жену выбираешь», – закончил Гаранин. – Эх, ты, бродяга...

– От бродяги слышу! – весело огрызнулся Семенов.

– И почему тебя тогда медведь не слопал? – Гаранин сокрушенно развел руками. Фанатик чокнутый! Разрушитель семейного очага!

– А кто меня воспитал? – перешел в наступление Семенов. – Кто учил, что сначала дело, а потом личная жизнь? Кто десять лет назад Свешникову посоветовал Семенова в начальники выдвинуть?

– Себе на голову, – вздохнул Гаранин. – Ладно, закажи-ка мне Москву... В цирк билеты купил, Андрейка обнимал!.. Как с Наташей говорить...

– Она уже все знает, Вера-то уже в Москве.

– Думаешь, рассказала?

– Не думаю, уверен. Сам ее об этом просил.

– Эх ты, сухарь!.. А может, к лучшему, что ей Вера скажет?

– Конечно, – подхватил Семенов выгодную версию. – Ты же знаешь Веру, она толковее нас с тобой это провернет.

– Ну, тогда за дело, – подумав, решил Гаранин. – С чего начнем?

Семенов достал папку и выложил на стол бумаги.

– Взял у Шумилина копии списков, – сказал он. – Здесь коллективы всех станций и резерв.

Первая зимовка на Скалистом Мысу для Семенова началась неудачно. Станция маленькая, радистов всего двое, а работы неупорот, каждый час нужно передавать погоду летчикам, да еще сводки на Диксон, разные служебные и личные радиogramмы. Полярные радисты-асы: постоянная работа в условиях плохого прохождения радиоволн, извечные помехи в эфире, отвратительная слышимость требовали очень высокого мастерства. А Семенов радистом был тогда совсем зеленым – ни хватки, ни опыта. На сроки опаздывал, принимать, передавать не успевал, то и дело просил повторить, и потому редкий день в его наушниках не пищало оскорбительное НН СПГ... НН СПГ – «вон с ключа, сапог!».

А кончалась вахта – не знал, куда себя деть. Старые приятели остаюсь на материке, новых не завел; зимовщики в глаза и за глаза поругивали новичка, из-за промахов которого станцию уже не раз пропесочивали, а тут еще замолчала Галя. То ли рядовой радист с далекой и глухой станции, затерянной на берегах Карского моря, показался ей женихом бесперспективным, то ли «с глаз долой, из сердца вон» – забыла и увлеклась другим, но восемь его радиogramм, одна другой отчаяннее, остались без ответа. А в декабре наступила полярная ночь, и недели на три забушевала пурга. Раньше хоть можно было прогуляться на берег к тюленям, запрячь собак и проверить капканы на песцов, в пургу, да еще ночью, никаких прогулок в одиночку не допускалось, а в напарники его не приглашали. К тому же улетел в долгий отпуск Георгий Степанович Морощкин, начальник станции и замечательный человек. Семенов лишь много спустя понял, как ему не повезло, что начало его зимовки совпало с этим отпуском. Но хуже всего были ночь и пурга. Пурга – она сама по себе нагоняет тревогу и грусть неистовым воем и разбойничьим свистом, первобытный хаос ее звуков, в котором сшибаются угроза и безнадежность, угнетает даже здорового человека и уж совсем губительно воздействует на того, чьи мысли и чувства созвучны пурге.

И тогда у Семенова началась полярная тоска – опасная болезнь, нередкая на оторванных от мира станциях, когда человек теряет сон и становится безразличен ко всему на свете. Он убеждает себя, что никому не нужен, задумывается о смысле жизни и не находит его; все кажется ему постылым – и работа, и окружающие его равнодушные к нему люди и дальнейшее существование. А Семенов к тому же был парнем гордым, на людях держался с достоинством и отдавался тоске лишь наедине с самим собой. Ничего страшнее такой болезни для полярника нет. Как от морской болезни суша, ее излечивает либо возвращение на материк, либо привычка, приобретаемая ценой долгих мучений. Много людей навсегда распростились с высокими широтами из-за полярной тоски.

В одну из самых скверных для Семенова ночей в жилую комнатку радистов зашел метеоролог Гаранин.

– Вижу, свет горит, – объяснил он свой приход. – Чего не спишь?

– Книгу читал.

– Тебе же через три часа на вахту, отдохнуть надо.

- Будильник испортился, боюсь проспать.
- Я разбужу, мне до утра дежурить.
- Да уже неохота, сон прошел.
- Тогда, может, попьем чайку?

К этой ночи прожил Семенов на свете с небольшим двадцать лет, а ничего важнее тех трех часов в его жизни не было. Началось их чаепитие с пустяков, а кончилось задушевным разговором – таким, какого Семенов еще никогда ни с кем не вел. Увидел в глазах человека, с которым до сих пор кивком здоровался, искреннее понимание и, поражаясь своему порыву, все рассказал, выплеснулся, как на исповеди.

Будто воскрес Семенов после того разговора, будто, погибая от жажды, воды вдоволь напился. Еле конца вахты дождался – и бегом к Андрею!

Так началась их дружба. Гаранин был старше Семенова, мудрее и сильно на него влиял. Научил его, горячего и необузданного, неторопливому раздумью, философскому отношению к удачам и невздам и пониманию того, что во всех людях, даже самых, казалось, отпетых, где-то в тайниках души таится доброе начало и только от тебя самого зависит, сумеешь ли ты его распознать.

Впрочем, не только на Семенова влиял Гаранин; даже старые полярники, всякого повидавшие тертые калачи, относились к нему с уважением, на которое он вроде бы никак не мог рассчитывать по своей молодости: полярники – народ консервативный, возраст и стаж многое для них значат. Была в Гаранине какая-то чистота – в глазах, что ли, в словах, во всем его поведении; такие люди, обычно мягкие и уступчивые в мелочах, бывают в то же время поразительно цельными. Семенов не помнил случая, чтобы Андрей поступился своими принципами. Поначалу Семенов просто его любил, как неожиданно обретенного друга, которому можно излить душу. А понимать его отношение к жизни стал после такого случая.

Был на станции Федор Михальчишин, суровый и сильный мужик, замечательный плотник, какие в последнее время совсем перевелись. Много хорошего сделал он в ту зимовку, ему обязана станция срубленным из толстых бревен двухэтажным домом, которому завидовала вся Арктика. Но и другим поражал Федор зимовщиков – дикой, беспросветной скупостью. Семья его, жена и пятеро детей, совсем обносилась, перебивалась с хлеба на квас, а Федор, зарабатывая большие деньги, перечислял ей гроши. Первое время его совестили, потом презирали и уходили из кают-компании, когда он там появлялся; на Михальчишина, однако, это не действовало: от зари до зари он работал, в ужин наедался до отвала и заваливался спать, и в пургу спал без просыпу, как медведь в берлоге. Ни самому себе, ни другим объяснить не мог, зачем, для кого копит. Дом? Есть дом в Архангельске, сам срубил. На старость? Мужик и сорока нет, в жизни ничем не болел. Бездумная, темная скупость – и только.

И вдруг приходит радиограмма от жены, слов на тридцать, никогда такой Федор и не получал: спасибо, родной мой Феденька, детей придела, себе теплую шубу купила, картошку на зиму запасла и козу присматриваю. Михальчишин несколько дней ходил ошалелый: откуда деньги взяла? Через месяц новая радиограмма: купила козу, шкаф и кровати, соседи завидуют, возвращайся скорее, любимый, наконец-то заживем и прочее в этом духе. Михальчишин совсем обалдел: может, любовника нашла? Да кому нужна Мария с ее выводком? А с почтой получил такое письмо, что как пьяный по станции ходил, всем давал читать: вот люди, мол, на тебя наговаривают, а ты самый добрый и хороший, все глаза выплакала, жду тебя, любимого... Словно невеста, в любви рассыпается!

Понять ничего не мог, наваждение какое-то, а ходил по станции гоголем. Стал, однако, наводить справки, в сберкассе письмо отправил, в почтовое отделение – и выяснил: деньги его жена получает от Гаранина Андрея Ивановича. Выяснил – и что-то в нем сломалось. Бросил работу, достал из сундука заначенную бутылку спирта, вдрызг напился и пошел бузить. Мужик здоровый, но сообщая успокоили, уложили спать. Наутро опохмелился, попросил у радистов

бланк («Ну и ну! Федька на радиogramму тратится, быть пурге!») и отправился к начальнику станции – заверять документ: «Михальчишиной Марии Антоновне доверяю право распоряжаться вкладом полностью или частично». Гаранину деньги вернул до копейки, ни слова ему до конца своей зимовки не сказал, но будто подменили мужика: в кают-компании стал засиживаться, повеселел, разрешал себя разыгрывать и сам подшучивал над товарищами, а перед посадкой в самолет вдруг подошел к Гаранину, обнял его и поблагодарил за науку.

Плохо началась, а хорошо продолжалась для Семенова та зимовка. Обжился, стал своим, набил руку и набрался опыта, в летнюю тундру влюбился, в охоту и богатую северную рыбалку, а самое главное – понял он, что нашел свое место в жизни и другого ему не надо. Мальчишеские мечты о подвигах в белом безмолвии уступили место трезвому расчету и прочной привязанности к своей профессии. В отпуске он слышал во сне морзянку и пургу, видел песцов и медведей, и его снова тянуло туда, где они есть.

Потом были еще зимовки на береговых станциях, три дрейфа на Льдинах, два года в разных экспедициях – на станции Восток. Много всякого случилось за эти годы, о чем еще будет время вспомнить. Менялись станции, люди, впечатления и взгляды на жизнь, и лишь одно оставалось в этой жизни неизменным – дружба с Андреем Гараниным. С той памятной ночи не расставались они уже семнадцать лет. То есть расставались, конечно, – бывало, жены не сходились в планах на отпуск и отдыхать приходилось врозь, но зимовали Семенов и Гаранин всегда вместе. Давным-давно побратались, не раз выручали, спасали друг друга, и выработалось у них с годами то редкостное взаимопонимание, без которого они уже не мыслили дальнейшей своей жизни.

– Мирный... Молодежная... Новолазаревская... – Гаранин мельком поглядывал на списки. – Бывшие восточники есть?.. Так, в Мирный главным врачом экспедиции идет Саша Бармин...

– Не верь глазам своим, Андрей, на Восток пойдет Саша! Только он еще этого не подозревает.

– Ты говорил с ним?

– По телефону, и то ограничился лирическими воспоминаниями. Ждал твоей санкции.

– Так нам Шумилин и отдаст Бармина, – усомнился Гаранин.

– А Свешников? Лично из августейших рук получил картбланш: на Восток с любой станции!

– Тогда другое дело. – Гаранин повеселел. – Тогда мы их сейчас пощипаем.

Семенов улыбаясь смотрел на Гаранина, на душе было легко и спокойно. А ведь часа не прошло, как он обрушил на Андрея новость, от которой любой другой закрутился бы в спираль. До чего хорошо, что на свете есть Андрей.

– Всего нас будет шестнадцать, – сказал Семенов. – Но сначала определим первую пятерку. Пока не запустим дизеля, остальным делать на станции нечего.

– Ты, да я, да Бармин – трое, – подсказал Гаранин. – И еще два механика – привести в порядок дизеля. А за радиста сработает сам – тряхнешь стариной.

– Старшим механиком предлагаю Дугина.

– Так у него же был перелом, – напомнил Гаранин.

– Виделись вчера, козлом скачет. – Чувствуя, что Дугина придется отстаивать, Семенов заговорил с излишней бойкостью. – Про тебя спрашивал, велел кланяться.

– Ну, это ты выдумал, – усмехнулся Гаранин. – И не делай такое честное лицо, все равно не поверю: твой дружок, а не мой. Ты очень хочешь его взять?

– А почему бы нет? Восток знает, дизелист первоклассный да и силой бог не обидел.

– Само совершенство, – подытожил Гаранин. – Идеал, хоть в книжку вставляй.

– А что ты против него имеешь?

– Уж очень тебя уважает. Ну просто влюбленными глазами смотрит!

– Ревнуешь?

– Этого еще не хватало! – возмутился Гаранин. – Тоже мне еще нашлась Дездемона...
Ладно, Дугина я тебе уступаю. Но прошу записать в протокол: без восторгов.

– Тогда отпадает, не берем.

– Да шучу, шучу. Годится твой Женька. А кого вторым механиком?

– На Молодежную идет Пичугин, – глядя в список, выжидательно произнес Семенов.

– Пусть там и остается, – решительно возразил Гаранин. – Ты меня удивляешь. Снова брать его на Восток, да еще в первую пятерку?

– Проверка памяти. – Семенов улыбнулся. – Конечно, отпадает.

А с Пичугиным произошла такая история. В первую зимовку на Восток стремились попасть многие: уж очень почетной была она в глазах полярников – первая зимовка в самой глубине ледового материка. Отбирали самых, казалось, надежных, лучших из лучших, а случилась осечка. Никто еще не зимовал на куполе Антарктиды на такой высоте – три с половиной километра над уровнем моря, и редко кто брал на себя смелость предсказать, что ждет людей на Востоке в полярную ночь. И вдруг зашелестел, пронесся слухок, что теоретически морозы в этом районе возможны совсем уж неслыханные, градусов под сто двадцать ниже нуля. Люди забеспокоились, зашумукались по углам: слава, почет – вещи приятные, а не покойникам ли достанутся? Тогда Семенов объявил: пока самолеты еще летают – решайтесь, паникеры мне на станции не нужны. Полярники – народ самолюбивый, позориться никто не захотел, и разговоры прекратились. И тут двое начали кашлять. Не просились обратно, не намекали даже, а просто кашляли – надрывно и мучительно, днем и ночью. Бармин осмотрел их, легкие в порядке; бронхи – раздражены, конечно, но и у других не лучше: воздух здесь сухой, во рту как песком посыпано. Позорить этих двух Семенов не стал, отправил в Мирный по болезни и заменил двумя добровольцами. Одним из кашлявших и был Пичугин. Спустя несколько лет он все-таки прозимовал на Востоке, да и на другие станции его охотно брали, но парень он был неглупый и к Семенову ни разу не просился.

– Может, Сагайдака с Молодежной взять? – предложил Гаранин. – Дизелист никак не хуже Дугина, бывший штангист, да и отзываются о нем неплохо.

Семенов задумался. Сагайдака он знал, ничего предосудительного за ним не числилось. И все-таки что-то мешало без раздумий принять эту вроде бы подходящую кандидатуру, что-то мешало...

– С изъязом твой Сагайдак! – вспомнил Семенов. – Не хочу ему прощать того тюленя.

Может, спорным был тот случай, немногие бы придали ему значение, но при отборе в первую пятерку следовало учитывать все. В одну из первых экспедиций товарищи застали Сагайдака на припае за странным занятием: преградив тюленю путь к воде, он пинал его, неповоротливого и беспомощного на льду, ногами и хлестал ремнем. На недоуменный вопрос, зачем он это делает, Сагайдак ответил, что просто так, от скуки. Заступники позволили тюленю плюхнуться в разводье, а про случай тот поговорили и забыли...

– Правильно, с изъязом, согласился Гаранин. – Послушай, Сергей, у меня есть совершенно неожиданное предложение.

– Ну?

– Только не отвергай с ходу, подумай: Веня Филатов!.. Ну вот, я ведь просил тебя подумать!

Семенов отрицательно покачал головой.

– Во-первых, мы с ним не зимовали. Во-вторых, говорят, вспыльчивый и склочный.

– Кто говорит?

– Не помню. – Семенов пожал плечами. – А с чего это ты вдруг?

– Честно говоря, совсем не вдруг, я с самого начала о нем думал, – признался Гаранин. – Просто ждал, что найдется кто-то более знакомый и проверенный в деле. А теперь вижу, что

вряд ли найдется. Покровский и Уткин сразу же после дрейфа на новую зимовку не пойдут, они не такие ослы, как мы с тобой, да и жены их не пустят. Тимофеев только неделю назад прилетел на нашу Лыдину, забирать его оттуда – рука не поднимется. Пичугин, Сагайдак отпадают, фамилии остальных, кто в списках, мне вовсе не знакомы. А про Филатова действительно разное говорят. Но обрати внимание: или очень хвалят, или от души ругают.

– Чего же здесь хорошего?

– В таких случаях я люблю разбираться: кто хвалит, а кто ругает.

– Ну и разобрался?

– Да. Его любит Бармин и терпеть не может Макухин.

– Это уже кое-что... А от себя что можешь сказать?

– Они, как ты знаешь, дрейфовали вместе, мы же их меняли... – задумчиво продолжал Гаранин. – Тебе-то было некогда, ты принимал у Макухина станцию, а я две недели жил в одном домике с Филатовым. И он мне понравился.

– Чем?

– Он бывал вспыльчив и груб...

– Начало многообещающее, – усмехнулся Семенов.

– С Макухиным, – Гаранин пропустил реплику мимо ушей, – и с его свитой. Своенравен, упрям, дерзок на язык...

– Тоже неплохой набор.

– По молодости – ему двадцать три года. И при всем этом абсолютно, предельно честен. Ни грамма фальши.

– А работник?

– Вспомни, какую дизельную получил от него твой любимый Дугин.

– Неплохую, – кивнул Семенов. – Действительно ругал его Макухин. Да еще как!.. Ты ручаешься за Филатова?

– Пожалуй, да.

– Тогда зови, будем знакомиться. Только, чур, Андрей: как заявится – уйди, не дави на меня, не на рыбалку напарника подбираем.

Филатов и Бармин

Семенов с любопытством смотрел на Филатова. Сложения парень мощного, а совсем юный, даже бриться безопаской как следует не научился, – свежий и довольно глубокий порез на подбородке. Черноволосый и глаза черные, острые, такие из ласковых легко могут стать недобрыми, – выразительные глаза. На стуле сидит, как на лошади, каждый мускул нетерпеливо подрагивает. Взрывной паренек, подумал Семенов, с мгновенной реакцией.

– Это у вас так положено – изучать человека? – вдруг пробурчал Филатов.

– Извините, я просто задумался.

– Чего передо мной извиняться, я не девочка. Я к тому, что молчим, как на собрании.

– Вопрос поставлен правильно. – Семенов улыбнулся. – Как ваше отчество?

– Отчество? – удивился Филатов. – Вы человек немолодой, вас можно и по отчеству, а меня зачем? Веня – и все дела.

Семенову стало весело.

– Ты, Веня, прав, я человек в годах. Тридцать восьмой пошел.

– Вот видите. – Филатов сочувственно кивнул. – А с виду вы еще ничего себе.

– Спасибо. – Семенов отвернулся, чтобы скрыть улыбку. – Значит, собрался на Новолазаревскую?

– Если возьмут, – настороженно ответил Филатов.

– А на Восток не хотел бы?

– Ну вот, – оживился Филатов. – А то вокруг да около... Конечно!

– А хорошо себе представляешь, что это такое – Восток?

– Саша Бармин, доктор наш, весь дрейф рассказывал, до смерти пугал: холод собачий, дышать нечем и прочее. Вот кого бы вам пригласить – Бармина!

– Рекомендуешь?

– Хитрите, Сергей Николаич, вы же его лучше меня знаете.

– Дружил с ним?

– В общем, да. С удовольствием, как говорят, общался.

– А ведь он тоже не очень молод, тридцать один год.

– Ну, это еще терпимо.

Семенов снова отвернулся. Парень, кажется, забавный.

– А за что Макухин тебя невзлюбил?

Филатов нахмурился.

– Ага, значит, и вам накапал... Тогда давайте напрямую. Андрей Иванович рекомендовал вам меня как классного дизелиста?

Семенов кивнул.

– А он не говорил, что я для начальства человек неудобный?

– Почему?

– Спорить люблю, личные мнения при себе держать не умею. Охотно ими делюсь.

– С начальством?

– Бывает, и с ним, – с тем же вызовом продолжал Филатов. – Если имеете в виду лично товарища Макухина. Он всех, кто пониже рангом, винтиками считает. На этой почве и расходились. Работу делал, как положено, а наступать на себя не давал, мозоли от этого бывают.

Семенов прошелся по номеру. Парень – что порох, далеко не лучшее качество для трудной зимовки. Явно любит собой покрасоваться, да и самоуверенности ему не занимать, хотя били его, наверное, часто, у таких жизнь редко течет гладко, слишком ершистый... Рубит с плеча от простоты? Вряд ли, на простака Филатов не очень-то похож... Прямота, честность? Возможно. Качества превосходные, однако бывает, что такие правдолюбцы начинают «качать

права» в самой неподходящей ситуации, когда единственную правду знает только начальник. И тогда прямота, честность и жажда справедливости – жаль, тебя нет рядом, Андрей, могли бы поспорить – выливаются в губительную для коллектива склоку... Не из таких ли правдолюбцев Филатов?

Семенов колебался. Не взять Филатова – значит обидеть Андрея, чутью которого привык доверять. Андрей ошибается редко, но все же такие случаи бывали: слишком многое он прощает людям, в которых, как он говорит, «ни грамма фальши». Но не только из этого, из других важных слагаемых складывается полярник... Было бы время «обкатать на всех режимах», проверить, так нет этого времени... Рискнуть?

– Так что, не берете?

Напрягся, сжался, как пружина, подумал Семенов. Силы много, воли – еще не знаю, а вот такта маловато. И все же парень чем-то ему нравился.

– Не опережай события, Веня. Женат?

– Рано мне жениться, подожду. Мир хочу посмотреть.

– Поэтому – в Антарктиду?

– Конечно! Одна дорога, говорят, чего стоит, два океана и стоянки в инпортах!

– Родители?

– Мать умерла, отец с мачехой живет... А других родственников нет, ни здесь, ни за границей, я все в анкете написал, в отделе кадров.

– Твоя анкета меня не интересует. Учиться дальше собираешься?

– Обойдусь. Валька Горохов, друг детства, за пять лет в институте от зубрежки высох и сто двадцать получает. А я двести где хочешь заработаю с восемью классами.

– У меня на станции все чему-нибудь учатся, – сказал Семенов. – И тебе придется, иначе будешь белой вороной.

– Значит, берете? – обрадовался Филатов. – А то я уже разволновался.

– С этим условием, – напомнил Семенов. – Американский ученый будет с нами зимовать, язык можешь выучить.

– Заманчиво! – охотно согласился Филатов.

Он явно повеселел, уселся поудобнее, разжал скованные руки.

– Теперь можешь задавать вопросы мне, – предложил Семенов.

– А я про вас все знаю, – выпалил Филатов. – Мне Саша рассказывал. И про то, как из шурфа на Востоке выбирались, и разное другое.

– Всыплю я твоему Саше!

– Фу ты, черт! – расстроился Филатов. – Болтун – находка для шпиона...

– Ладно, – проворчал Семенов. – Только зря полагаешь, что со мной очень легко будет. Здесь Саша тебя явно дезинформировал.

– Ну, работы я не боюсь... – Филатов снова приободрился. – Шея здоровая, любой хомут налезет... А с этим на вашем полюсе как, сухой закон?

– Сам не очень-то захочешь, кислорода в воздухе маловато, горная болезнь одолевает будет. Даже курить бросишь.

– Ну, это мы еще посмотрим... Платить-то за горную болезнь и прочие удовольствия как будете?

– Зарплата плюс двенадцать рублей суточных.

– Подходяще. А еще вопрос можно? Даже и не вопрос, а просьба.

– Давай свою просьбу.

– Возьмите Сашу Бармина! – с жаром выпалил Филатов.

– Считаю, что уже взял. – Семенов взглянул на часы. – Вот-вот должен быть здесь.

– Везучий ты, Веня! – радостно удивился Филатов. – В такой день и на улицу выходить опасно, с будущей женой познакомишься.

«Решено, беру», – удовлетворенно подумал Семенов.

– А этот поморник с Новолазаревской что здесь делает? – войдя, весело осведомился Бармин. – Неужели берешь его, Николаич? Волосы на себе рвать будешь.

– Не хотелось бы, – включился в игру Семенов. – А какой у него главный недостаток?

– Неимоверно, чудовищно прожорлив. – Бармин исподтишка подмигнул негодующему Филатову. – Все съест. Напомни, сколько стоит доставка одного килограмма груза на Восток?

– Страшно подумать, целое состояние.

– Быть тебе, Николаич, банкротом, – продолжал злодействовать Бармин. – Чтобы прокормить Веню, придется удвоить станционный бюджет. Однажды этот фрукт на моих глазах слопал шесть бифштексов и потом поднял крик, что его морят голодом. Не говорю уже о том очевидном, но безобразном факте, что вечно по ночам камбуз обшаривал в поисках съестного. Теперь я понимаю, Филатов, почему шеф-повар Гремыкин гонялся за тобой с веником!

– Все наоборот, – ухмыльнулся Филатов. – Не верьте ни одному его слову, Сергей Николаич, это он на спор съел шесть бифштексов.

– Ну и что? – с достоинством произнес Бармин. – Я – мужчина, а ты кто? Такому заморышу и одного бифштекса много. Каких-то жалких десять раз двухпудовик выжать не мог.

– Одиннадцать, – поправил Филатов. – А ты пятнадцать, и то лишь потому, что перед этим банку витаминов ухлопал.

– Увертюра закончена? – спросил Семенов. – Докладывай, Саша.

– Только что от Шумилина, – сообщил Бармин. – Сначала чуть не испепелил меня, а потом – о благороднейший Зевс-олимпиец! – согласился отпустить к тебе, если найду замену.

– С бойни, любого живодера... – как бы про себя заметил Филатов.

– Нашел? – Семенов сдержал улыбку.

– Сразу двоих, так что, Николаич, не беспокойся.

– Хороший мужик Шумилин! – с чувством проговорил Семенов. – Значит, не беспокоиться, Саша?

– По крайней мере обо мне и моем здоровье, – уточнил Бармин.

– За сто килограммов перевалил? – Семенов с удовольствием окинул взглядом атлетическую фигуру доктора.

– На пятьсот граммов, – скромно уточнил Бармин.

– Это, наверное, мозг, – догадался Филатов.

Между ними снова началась веселая склока, а Семенов благодушно посмеивался и думал, что пока все складывается удачно. Главная удача, конечно, Андрей, а вторая по значению – Саша Бармин. Если даже допустить, что есть у полярников доктора получше и поопытнее Бармина, то по человеческим качествам равных ему Семенов не знал. Доктора, в общем, народ избалованный, сознающий исключительность своего положения: от них зависит жизнь, а редкая зимовка случается без того, чтобы кого-то не приходилось спасать. Бармин же заставлял забывать о том, что он доктор, – чрезвычайное преимущество для человека его профессии. Докторам полярники часто чего-то недоговаривают, а то и просто боятся пожаловаться: а вдруг, испугавшись ответственности, не допустит к зимовке, спишет? От Бармина же ничего не скрывали, в голову никому не приходило, что Саша, известнейший в полярных широтах мастер розыгрыша, доброжелательнейший из доброжелательных, способен подвести друга. А врачом был безупречным. Настоящих больных лечил всерьез, мнительных – психотерапией и огромными дозами юмора. И доверие к Бармину было безграничным.

С Барминым Семенов зимовал дважды, у него, как у многих опытных полярников, были свои мерки, рожденные длительными наблюдениями. Так, он очень уважал молодого доктора за то, что кожаный костюм на нем был истрепан и донельзя засален. «Покажи мне после зимовки свой кожаный костюм, и я скажу, какой из тебя полярник», – вспоминал Семенов Георгия Степаныча, своего полярного крестного. Хотя и шутка, а умная, со смыслом. С одной

стороны, если твой костюм изодран – значит ты не гнушался никакой работы. А с другой – значит, ты не скупой человек, потому что кожаный костюм выдается полярнику на год, и многие его берегут, стараются в целости сохранить до Большой земли – для рыбалки и прочего. А доктор своего костюма не жалел и работал в нем на всех работах: и дизелистам помогал, и авралил в пургу, и мыл котлы повару, и делал все другое, что положено и не положено по штату. Но медицинские приемы вел в ослепительно-белом халате и в чепчике, и несколько аппендиксов удалил без осложнений, и несговорчиво за чистотой на камбузе следил.

И еще одно важное качество было у доктора: на нем отдыхал взор. В иной красоте находишь что-то неприятное, вызывающее смутное к ней недоверие, что ли; наверное, такое бывает, когда между внешностью и душой человека не угадываешь гармонии, какая только и делает красоту совершенной. Такая красота скоротечна, рано или поздно духовная ущербность проявится на ней, как на портрете Дориана Грея. Бармину же от щедрот природы было отпущено на троих: мощно вылепленное скульптурное тело, энергичное, с богатой мимикой красивое лицо и широкая, открытая душа; особенно красили его настоящего синего цвета глаза, которые у взрослых людей вообще почти не встречаются.

– Другие жены в слезы, а моя чуть не пляшет, когда муж уходит в Антарктиду, – посмеивался Бармин. – Ни одной соперницы на всем континенте!

О Надиной ревности ходили легенды. Однажды в отделение, которое вел Бармин в одной ленинградской клинике, поступила с переломом ноги прехорошенькая фигуристка, и Наде стало это известно. Наутро, когда Бармин пришел на работу, фигуристка исчезла. Перевели. Оказалось, Надя звонила главному врачу и очень об этом просила. А мужу объяснила: «Она нарочно сломала ногу, чтобы к тебе попасть!»

– Отныне мне разрешено принимать к себе только травмированных старушек! – веселился Бармин. К Наде он, впрочем, относился с нежностью и вовсе не собирался ей изменять. Во всяком случае, не прилагал к этому никаких усилий, ибо доподлинно знал, что любая другая женщина устроена так же, как его жена. И ради того, чтобышний раз в этом убедиться, стоит ли рисковать такой важной для полярника ценностью, как мир и согласие в семье?

Когда один за другим пришли Гаранин и Дугин, Семенов распределил обязанности. Каждый час был дорог, и первая пятерка приступила к работе.

Дугин и Филатов уехали получать два новых дизеля для Востока, Бармин отвечал за продовольствие, лекарства и оборудование для медпункта, Гаранин – за одежду и научные приборы. За собой Семенов оставил кадры и общее руководство.

С грехом пополам, но за месяц люди были подобраны, грузы доставлены на «Обь», Семенов и Гаранин вылетели в Москву – прощаться.

Сказка для детей

Казалось бы, одинаковые они – дорога в Антарктиду и дорога домой, а проходят по-разному. Когда возвращаешься, время тянется бесконечно, каждая неделя превращается в месяц – спишь и видишь встречу на причале. А туда – дни и недели бегут вскачь, оглянуться не успеешь, как остаются за спиной и Европа с ее глубокой осенью и благодатные тропические широты с их вечным летом. Потому что на зимовку полярник не спешит, никуда она не денется, а морское же путешествие – удовольствие, которое очень хотелось бы продлить.

Антарктида для полярника начинается с первого айсберга. Знаешь, что вот-вот он появится, а все равно волнуешься, как при виде пограничного столба. Показался первый айсберг – считай, путешествие подошло к концу, кончился твой беззаботный отдых. С айсбергом до полярника доносится ледяное дыхание Антарктиды; пока что она не захватывает человека целиком, а лишь предупреждает его о том, что он переступил границу ее владений и потому должен быть начеку. Отныне капитан и его штурманы потеряют покой и будут беспокойно ворочаться в постелях, проклиная ненавистные туманы с их молочной пеленой и ускользающие от локаторов айсберги.

Первый айсберг не только отдает приказ полярнику о переходе на зимнюю форму одежды, но и сильно сказывается на его настроении: начинается пусть не объявленный, но первый день зимовки. Ломай себя, наступай себе на горло, но перестраивайся, перестань думать о том, что ты оставил, то есть думай, конечно, но в перекур, а все твое остальное время и твои мысли должны принадлежать работе.

Многие, даже самые опытные полярники, испытали на себе этот мучительный перелом.

В один из этих дней Семенов и Гаранин стояли у фальшборта и смотрели на уходивший вдаль айсберг. Вблизи он казался огромным, да и был таким – высотой с тридцатиэтажный небоскреб, но, уходя, он мельчал и съеживался, словно подавляемый грандиозностью океана.

– Шатун, – сказал Гаранин. – В одиноком айсберге есть что-то трагическое. Титан, обреченный на гибель.

– И все же напоследок ему будет хорошо, – отозвался Семенов. – Родился снегом, с возрастом превратился в ледниковый лед, всю жизнь мерз, как собака. А теперь познает солнце, тепло, ласку. Так бы и человеку: если уж умирать, то от избытка нежности и тепла.

– Хандришь?

– Для настоящей хандры нужно иметь много свободного времени.

– Подождем до полярной ночи.

– Сейчас о ней даже думать страшно. – Семенов задраил «молнию» каэшки¹. – Побегись, ветерок-то с насморком!.. Знаешь, Андрей, больше всего не люблю на Востоке июнь: кончается первое дыхание и хочется погрузиться в спячку. На Льдине все-таки веселее.

– Зато на Востоке ближе к космосу. Помнишь Сириус в полярную ночь? Он был совсем рядом, его можно было достать рукой, как этого альбатроса... Чего это ты вдруг, Сергей?

– Красиво летит, стервец!.. Не знаю, Андрюха. Что-то царапает душу. Думал сегодня о Вере и детях, о том, что виноват перед тобой. Да не качай ты головой, виноват! Жизнь наша перевалила через экватор, к этому возрасту нормальные люди обычно достигают того, на что способны, мирно живут себе и «возделывают свой сад», работают, любят жен и ласкают детей. А мы с тобой и недолюбили, и недоласкали, и самое горькое, что нам не дано уже этого наверстать.

¹ От слова КАЭ – климатическая одежда антарктической экспедиции. Каэшками полярники называют свои теплые, на верблюжьем меху, куртки с капюшоном. – Примеч. авт.

– Ты прав, – спокойно проговорил Гаранин. – Но раз уж повел такой разговор – бери шире, Сергей. Да, мы в самом деле недолюбили и недоласкали. Зато нам дано другое...

– Говори, я слушаю.

– Острота ощущений. Нам всего достается вдвойне. Если прощание – это концентрированная грусть, то встреча – сжатая, как энергия взрыва в гранате, радость. Ожидание счастья – тоже счастье, друг мой.

– Мне этого уже мало.

– Мне тоже.

– Ты противоречишь самому себе.

– Вся наша жизнь – клубок противоречий, Сергей...

– Чему ты улыбаешься?

– Так, картинка детства... Не думай, что уйду от разговора, наоборот... Этого, кажется, я тебе не рассказывал. В школе, в географическом кружке, помнится, мы выбирали себе меридиан. Ну, нечто вроде самостоятельной игры. Каждый, кто выбрал, начинал жить по законам своего меридиана. В соответствии с этим исчислялись дни, часы, времена года. Я, например, вопреки логике долгое время жил, опережая действительность на несколько часов в день и на целый сезон в году. Никакая сила в мире не могла тогда убедить меня в обратном. Так, наверное, и в жизни. Человек однажды делает выбор, и уже ничто не может изменить его судьбу. Я выбрал и теперь не могу да и не хочу жить иначе... А ты что?

– Вспомнил одного юнца, – улыбнулся Семенов. – Прилетел он на полярную станцию, представился начальнику. Тот спросил: «Арктику знаешь?» «А как же, – гордо прошептал юнец, – два месяца был на практике!» Рядом с начальником стоял один метеоролог...

– И начальник спросил его, – подхватил Гаранин: – «А ты, Андрей, Арктику знаешь?» – «Что вы, Георгий Степаныч, я здесь всего три года!»

– Тогда начальник поведал юнцу одну великую истину, – продолжал Семенов. – Он сказал: «Слышал? Арктика – она как любимая женщина: думаешь, знаешь каждую ее привычку, каждую прихоть, а она вдруг откалывает такое коленце, что только в затылке почесываешь!»

– Цитируешь точно, – кивнул Гаранин. – Не пойму только, к чему.

– К тому, что прожили мы вместе полжизни, а я лишь сегодня узнал, что ты фаталист.

– А ты?

– Я?

– Да, ты. Точно такой же фаталист. У меня был меридиан, у тебя – другая игрушка.

– Какая? – удивился Семенов.

– Девичья у тебя память, Сережа. Однажды в доме Семеновых заночевал охотник и забыл компас, стрелка которого всегда показывает на север.

– Да.

– А ты говоришь: противоречу самому себе... В этой стрелке все дело, она вечно зовет нас туда, где мы будем грустить. Но это нам только кажется, Сережа; возвращаясь, мы понимаем, что и не грустили вовсе, потому что работали, ждали и мечтали. Мы просто уходили в сказку и возвращались из нее. Вот и Сириус на Востоке... Я ведь не случайно о нем... В ту ночь, когда мы уставились ошалело на отметку восемьдесят восемь градусов, я, помнишь, остался на метеоплощадке, мне хотелось хотя бы минуточку побыть одному. Сириус был чист, как вымытый, огромный и потрясающе прекрасный в прозрачном небе. И меня пронзило откровение: человек, увидевший однажды такую звезду, навсегда становится ее пленником. Наши звезды нам светят здесь, Сережа, и нигде более. Если хочешь, смейся и обзывай меня лунатиком.

– Не знаю, что бы я делал без тебя.

– Жил бы по законам своего компаса, другого тебе не дано. Да и мне тоже.

– Почему никогда не рассказывал про звезду?

– Так ведь это сказка, – улыбнулся Гаранин. – Я под нее баюкал Андрейку. Хочешь, бери мой Сириус?

– Нет уж, застолблю за собой Южный Крест.

– Не жадничай, в нем целых пять звезд.

– Ну а что? Всем по одной: мне, Вере, Наде, Алеше и будущему внуку.

– Что ж, уговорил. Бери.

Удачная попытка

Есть в антарктической экспедиции такой обычай: считать зимовку начатой и вздохнуть спокойно только тогда, когда завершатся рейсы на Восток и возвратится из похода санно-гусеничный поезд. Но в эту экспедицию нужды в походе не было: все топливо на Восток поезд доставил еще в прошлом году, и оно мерзло там в цистернах нетронутое. Так что до начала декабря механики-водители будут ремонтировать, приводить в порядок «Харьковчанку» и тягачи и лишь потом отправятся в свой изнурительный поход – три тысячи километров по куполу Антарктиды в оба конца. Ну а раз сейчас похода нет, то и нечего за него волноваться.

Оставались рейсы на Восток. Как десант, заброшенный через линию фронта, волнует армию, так и судьба восточников будет весь год волновать экспедицию. Честь экспедиции, ее боль и гордость – станция Восток. В полярную ночь не дойти до нее, не долететь, случится что на ней и люди смогут помочь восточникам разве что сочувственной морзянкой. С Востока будет начинать ежедневные сводки на Большую землю Шумилин, и первые тосты в кают-компаниях береговых станций будут за восточников и за их удачу.

Поначалу Мирный встретил новую смену так, словно хотел опровергнуть людские домыслы об Антарктиде. Солнце не уходило с безоблачного неба, нестерпимый свет заливал белое покрывало припайного льда, у которого пришвартовалась «Обь», каменные скалы островов и ограждавший берега ледяной барьер. Искрился снег, полыхали вросшие в припай айс-берги, ослеплял до отказа пропитанный солнцем снег. Люди надевали темные очки, мазали губы помадой (иначе потрескаются и покроются волдырями), а иные смельчаки раздевались до пояса и загорали. Обе смены, старая и новая, круглые сутки разгружали «Обь».

– Вот тебе и Антарктида! – поражался Филатов, которому даже в одной кожаной куртке было жарко гонять трактор по припаю – Сочи!

– Накаркаешь, – весело упрекал его Дугин. – Сплюнь три раза и по дереву постучи.

В такую погоду летать бы на Восток борт за бортом, да не успели смонтировать самолеты, прибывшие на «Оби» в разобранном виде. А только собрали и прогнали моторы – началась пурга. Не очень жестокая, для Антарктиды и вовсе хилая – так, метров двенадцать в секунду, но летчикам крылья она подрубила: низкая, без всякого просвета облачность отсекала Мирный от солнца.

Пурга закрыла дорогу на ледяной купол. Взлететь с полосы и пробиться через облачность было делом хотя и не безопасным, но возможным, а как возвращаться? В Мирном слепая посадка – игра со смертью в очко: либо в ледниковую трещину угодишь (их вокруг аэродрома как паутины в неухоженном доме), либо с барьера на припай грохнешься...

Не повезло! Начальник летного отряда Белов в пух и в прах разносил техников: не могли хотя бы на сутки раньше подготовить ИЛы к полету. Техники, и так забывшие, что такое нормальный сон, разводили руками – что могли, то и сделали, не роботы.

Пурга бушевала десять дней. Чуть стихло – полетели на Восток, а там туман, не нашли станцию. Раньше, когда она была обитаемой, радист давал привод, тянул к себе самолет на эфирной ниточке. А теперь повернулись и вернулись обратно. Тут снова на Мирный обрушился стоковый ветер с купола, прождали еще четыре дня. Еще два раза пробивались к Востоку – опять вхолостую: район станции окутала поземка. И виноватых нет, природе строга не влечет.

Так и прошел январь, золотой летний месяц, когда на Восток летать – одно удовольствие, круглые сутки светло и еще тепло, не ниже сорока градусов.

В начале февраля над Мирным засияло солнце, а спутники Земли донесли, что над Центральной Антарктидой видимость «миллион на миллион». И очередную попытку Белов предпринял с верой в удачу.

– Я живу до сих пор потому, что Сереге было скучно, – смеялся Белов, когда заходила речь о его дружбе с Семеновым.

А произошла эта история много лет назад и при обстоятельствах, которые тогда вовсе не казались Белову забавными. Над Таймыром свирепствовала пурга, ни одна станция самолет не принимала – облачность до земли, снизись – врежешься в горы, которые здесь то ли Бог, то ли черт повсюду разбросал. Тут и случилось, что отчаянные призывы Белова поймал молодой радист со станции Скалистый Мыс, который закончил передавать сводку и от нечего делать гулял по эфиру. Выглянул радист в окно – над станцией чистое небо, пурга пошла стороной. И отбил: садись на Скалистый! Когда самолет приземлился, мотор чихнул раз другой и затих: бензин кончился.

О Белове говорили всякое. Был он уже в те годы известный полярный летчик, о нем писали в газетах, печатали его портреты. А человеком считался нелегким. Проскальзывало в нем и свойственное многим знаменитостям высокомерие, и сгрубить он мог просто так, ради красного словца, и небрежно отозваться о мастерстве коллеги, если почему-то его недолюбливал, но в то же время был Николай Белов удивительным летчиком, лихим и мудрым, готовым на любой риск, если требовалось спасти человека. Кто знал Белова в деле, все ему прощал. В небе он делал, что хотел, самолет слушался его, как собака. Однажды он снял Семенова и Гаранина с осколка льдины, да так, что с экипажа градом лил пот: все видели, что и садился и взлетал ЛИ-2 буквально в сантиметрах над грядой торосов и впритык к разводью. Не летчик – ювелир. «Безопасно бывает только с невестой целоваться!» – отшучивался он, когда начальство уважительно ругало его за отчаянную посадку. Любишь не любишь – все равно уважать будешь. Высокомерен, своенравен – не спишешь с него такого, но зато честен и справедлив с людьми, зависевшими от него. Интриг не терпел. Если подчиненный приходил жаловаться на кого-то, Белов говорил: «Зови его, сейчас разберемся... Не хочешь? Тогда и не жалуйся!»

Была и еще одна красивая черта у Белова: преданность полярникам. Наверное, потому, что он считал их равней – в том смысле, что профессии полярников и летчиков по большому счету одинаково опасны, а ничто так не помогает выжить в высоких широтах, как взаимное доверие, выручка и дружба. Его легко можно было уговорить на самый рискованный полет, если того требовали обстоятельства – не иначе: жизнь свою Белов ценил высоко, а потому хитрить с собой не позволял и обманувшего доверие не прощал.

В Мирном смеялись: Белов поклялся сбрить полбороды, если в течение недели не доставит первую пятерку Семенова на Восток. Понимая, что угроза нависла не только над бородой начальника (которой тот, впрочем, не очень-то дорожил), но и над его профессиональной честью, летчики готовились к очередной попытке особенно тщательно. На этот раз Белов и его второй пилот Крутилин набрали в ИЛ-14 горючего сверх всякой меры: из последнего январского полета, когда два часа блуждали в районе станции, вернулись домой с чайной ложкой бензина в баке. И потому Белов попросил Семенова – не потребовал, на что имел право, а именно попросил как друга – в первый рейс взять самый минимум вещей. Счет шел на килограммы, и восточники семь раз прикидывали, прежде чем утвердили перечень необходимого для расконсервирования станции груза. В этом перечне были: два аккумулятора весом тридцать пять килограммов каждый для стартерного запуска дизелей, радиоприемник на батарейках, две паяльные лампы, мощная, размером с двухведерный примус, авиационная подогревательная лампа АПЛ, свежие продукты из расчета на неделю, теплая одежда и спальные мешки. Никаких личных вещей, кроме зубных щеток и мыла, даже банку любимых маринованных огурцов Семенов беспощадно вычеркнул – лучше три лишних литра бензина. Итого получи-

лось килограммов двести, да еще пятеро людей в одежде тянули на полтонны – и весь груз. Штурман придирчиво все проверил, убедился, что восточники не схитрили, и доложил командиру корабля о готовности.

И тут произошло событие, которое долго потом веселило Мирный, а в последствии даже вошло в полярный фольклор. Уже были сказаны последние «ни пуха ни пера» и другие ритуальные слова, уже Белов увеличил обороты и собирался скомандовать: «От винтов!», когда на полосу с неистовым лаем ворвался старожил Мирного Волосан. Пришлось вылезать из самолета прощаться, нельзя обижать самого известного в Антарктиде пса, облащенного полярниками всех экспедиций. Но вдруг выяснилось, что Волосан прибежал на полосу вовсе не из сентиментальных побуждений – за ним с поднятой палкой гнался биолог Величко. Волосан с визгом бросился к своему любимцу Бармину, и тот на всякий случай втащил его в самолет.

От Величко затребовали объяснений.

– Этот плут, этот негодяй, – гневно восклицал Величко, – разорвал двух пингвинов! Не для него, видишь, сказано, что Антарктида – заповедник! Вылезай, мерзавец!

Чувствуя себя в безопасности, «плут и негодяй» весело скалил зубы.

– А ордер на арест есть? – потребовал Бармин.

– Вон они, два ордера лежат на припае, можешь полюбоваться! Преступника покрываешь?

– Преступника? – Бармин склонился над Волосаном. – Чудовищное оскорбление! Он законный пассажир, у него есть билет!

Бармин отодвинулся. У распахнутой двери на задних лапах стоял Волосан, зажав в пасти бумажку.

– погоди, – успокоил Шумилин биолога, который под общий смех грозил Волосану палкой. – На борту самолета он пользуется правом экстерриториальности.

– Ну, если сам начальник экспедиции покрывает... – буркнул Величко.

– С другой стороны, наказать Волосана все-таки надо, – продолжал Шумилин. – Пусть хлебнет Востока!

– Ходатайство поддерживаю. – Семенов подмигнул Белову. – Сделаем его материально ответственным, пусть охраняет Восток.

– Здоровый очень, – усомнился Белов, прикидывая на глаз вес нового пассажира. – Пуда на два потянет. Но раз билет есть... От винтов!

Надолго запомнит Волосан это путешествие, во сне будет скулить, Восток вспоминая!

Но пока он еще об этом не догадывался. Его наперебой ласкали, закармливали вкусными кусочками, и он щедро платил за любовь и ласку своими цирковыми трюками: имитировал подвыпившего человека, выступал на собрании, положив на стол лапы, листал бумажки и лаял, позировал в очках и в шапке фотографу и прочее. Но с подъемом на купол притих, забился в теплый угол и задремал.

Полет на Восток для новичка вроде бы не очень интересен: сколько ни смотри вниз – белым-бело, однообразная заснеженная пустыня. И лишь бывалый полярник, угадывая заветные ориентиры, смотрит на эту пустыню с волнением.

Первые двадцать минут полета – крутой подъем, скачок на полуторакилометровую высоту над уровнем моря. Это начинается купол Антарктиды, изрезанный, как морщинами, бездонными ледниковыми трещинами. Далее купол растет постепенно и незаметно для глаза; самолет летит низко, метрах в ста над его поверхностью, и можно различить безобидную с высоты зону застрогов, проклипаемую всеми походниками, да и колею санно-гусеничного поезда, местами уцелевшую от метелей. А потом идут славные ориентиры, навеки оставшиеся на географических картах: станция Пионерская, давным-давно законсервированная, Восток-1 – здесь и станции не было, просто вехами обозначенная точка, и Комсомольская, тоже покинутая людьми. В этом месте купол повышается до трех с половиной километров, и дышать

становится трудно. Во всяком случае, первое представление о том, что ждет тебя на Востоке, получить уже можно. От Комсомольской до Востока пятьсот километров и два часа лета.

Семенов приоткрыл глаза и взглянул на товарищей: вроде бы подремывают в своих креслах, один Филатов курит, посматривая в иллюминатор. Полярник, как солдат, спит впрок: только прикажи себе, сомкни веки – и отвалился. В любом другом полете Семенов так и поступал, а сейчас не получалось: будоражила предстоящая встреча с Востоком. В Антарктиде никогда не знаешь, что тебя ждет, здесь самая длинная дорога бывает самой короткой. Предсказал бы кто, что в январе полеты сорвутся, нужно было бы седлать коней и отправляться на Восток санно-гусеничным поездом. Путь долгий и трудный, зато надежный, годами проверенный... Ваня Гаврилов, начальник транспортного отряда и старый друг, только знака ждал – в неделю бы подготовил поезд... Семенов усмехнулся; смертельно обиделся бы Коля Белов, услышав эти мысли.

Во рту пересохло, начинала сильно болеть голова: и влажности в воздухе и кислорода в нем маловато. Неделя, ну две, подумал Семенов, и организм привыкнет, лишь бы не сорваться в первые дни акклиматизации. В Восток нужно входить постепенно, он приучил людей к мудрой неторопливости: надорвешься – и не работник ты, а пациент у доктора, другие будут работать, а ты – валяться на койке в обнимку с кислородной подушкой. «Тише едешь – дальше будешь» – это про Восток сказано. Сделал пять-шесть движений – отдохни, дай передышку сердцу. Не любит Восток людей, не умеющих умно расходовать свою физическую силу. Во вторую зимовку Семенов одного такого самоуверенного отправил обратно в Мирный. «Подумаешь, Восток!» – бахвалился, пока кровь из всех пор не хлынула. Гаранина, Бармина, а Дугина предупреждать не нужно, тертые калачи, а вот за Филатовым следует смотреть в оба: силы, может, у него на двоих, а самоуверенности – на четверых... Вот и сейчас губы синие, а курит. Не хочется ведь курить, от одного вида сигареты противно, но дымит, храбрится. Перед кем позируешь, Веня? Или самого себя уговариваешь?

До сих пор Семенов так и не мог понять, правильно или нет поступил он, взяв Филатова. На припае он проявил себя неплохо, не хуже, чем, скажем, куда более опытный Дугин, если не считать того случая, когда чуть не утопил трактор, пытаясь с ходу проскочить трещину. Объяснили, намылили шею, обещал не лихачить. И ребята его приняли: разбитной малый, за словом в карман не лезет, поет под гитару – чего еще надо? И все-таки была в его поведении какая-то поза, стремление убедить товарищей, что «сам черт ему не брат, и море по колено». А Семенов к людям, которые выставляли себя напоказ, вообще относился с недоверием. Он полагал, что поза нужна только тому, кто хочет себя выдать за другого, набить себе цену в глазах окружающих. Гаранин, Бармин, тот же Дугин в позе не нуждаются, как не нуждается в ней обстрелянный солдат. А Филатов, окажись он на фронте, прохаживался бы по брустверу, чтобы показать свою храбрость.

– Брось курить, – не открывая глаз, проговорил Гаранин. – Побереги дыхание, скоро пригодится.

– В самом деде не хочется. – Филатов погасил сигарету. – Не спится, Андрей Иванович?

– Самую малость подремал.

– Голова у вас не болит?

– Немножко.

– И у меня тоже, – признался Филатов. – Андрей Иванович, раз не спится, может, поговорим?

– До Востока еще часа полтора. – Гаранин поудобнее уселся в кресле. – Хочешь чайку? Разлили чай из термоса по чашкам, стали с наслаждением пить.

– Андрей Иванович, можно вопрос?

– Конечно.

– Вот скажите, как это получилось, вы уже столько лет в полярке, кандидат наук, а не начальник?

– Вопрос не из легких. Сам-то как думаешь, почему?

– Затирают, – уверенно сказал Филатов. – Завидуют.

– Чему?

– Тому, что ребята вас уважают, хотя вы этого ни от кого и не добиваетесь. Как-то само собой. А другие добиваются только того, что их боятся. Вот и не делают вас начальником, сравнение будет не в их пользу.

– Ошибаешься, Веня. Мне уже не раз предлагали возглавить зимовку.

– И вы отказались?

– Решительно и наотрез.

– Но почему? Я бы, например, не отказался. А чем плохо? Никто на тебя не орет, никто не учит жить. Сколько себя помню, все учили меня жить, я для начальства как учебное пособие... Значит, верно, говорят, что из-за него?

Филатов кивнул в сторону Семенова.

– Главным образом да, – согласился Гаранин. – Нам уже трудно друг без друга... Но не только поэтому. Ты веришь в такую штуку – призвание?

– Читывал в газетах... Это когда ученый, к примеру, доказывает, что его призвание быть академиком. А дворнику махать метлой тоже призвание?

– Не упрощай, Веня. – Гаранин покачал головой. – Юмор хорош, чтобы развлечься, высмеять кого-то, даже ранить, но не доказать истину. Призвание – это когда тебя неудержимо тянет к какому-нибудь делу. Так вот, меня ни разу в жизни не тянуло кем-то или чем-то руководить.

– И все-таки почему?

– Видишь ли, Веня, я просто не гожусь в руководители. Я уже давным-давно определил свои возможности: довольно квалифицированный полярный метеоролог, ну, если очень потребуется, – максимум – заместитель начальника зимовки.

– Не понижаю, чем вы хуже Семенова...

– Могу сказать. – Гаранин улыбнулся. – В нем есть решительность, дерзость, которых у меня нет. Он прикажет там, где я смогу только просить. Он из тех, кто поднимает в атаку, а я – кого поднимают.

– Будто вы и сами не поднимаетесь!

– Спасибо на добром слове, наверное, поднимусь. Но для начальника этого мало. Прозимуюем, съедим пуд соли вместе – сам поймешь.

– Андрей Иваныч...

– Что?

– А почему Сергей Николаич так на меня смотрит, будто рентген делает?

– Смешной ты, Веня. Он человек суровый, его завоевать надо.

– Был бы он девочкой, – ухмыльнулся Филатов. – А мужиков завоевывать я не умею. У Женьки Дугина спросить, что ли? А вообще, мне на это положить, я тоже, если захочу, могу волком смотреть!

Они еще о чем-то говорили, Гаранин смеялся, но Семенов не слушал, а думал про себя, что Филатов не так однозначен, как ему казалось. И еще о том, не о нем ли сказано: «...добиваются только того, что их боятся?» Невольно подслушанный разговор взволновал его, никогда еще Андрей не затрагивал этой щепетильной темы и вдруг раскрылся перед мальчишкой...

Дверь кабины распахнулась, в салон заглянул Крутилин.

– Эй, лежебоки, Восток проспите!

Рановато флаг поднимать...

Филатов даже был разочарован: несколько сбитых в один щитовых домиков да еще два домика в стороне – вот тебе и вся станция Восток. Взглянуть не на что – так, вроде турбазы средней руки, покажешь фото приятелю – пожмет плечами. С надрывом говорили, чуть глаза не закатывали: «Восток! Ледяной купол! Полюс холода!» – а здесь и купола никакого не видно – заснеженная гладь, да и мороз пока что градусов сорок пять, не больше.

– Ощущаешь? – Бармин похлопал Филатова по плечу. Никаких резких движений, Вень, дыши через подшлемник. Восток, брат!

Филатов смолчал. Он ощущал небольшую одышку, и голова слегка болела, но ожидал он куда худшего и подумал, что док занимался психотерапией, когда расписывал ужасы акклиматизации. Правды ради, тот же док говорил, что иной раз Восток принимает новичка сразу, но это редкое исключение делается для человека с феноменальными физическими данными, для хорошо тренированного альпиниста, например. Филатов же, когда проходил обязательные для восточников испытания в барокамере (где его «поднимали» на пятикилометровую высоту – в атмосфере Востока кислорода примерно столько же), заслужил самые лестные отзывы врачей: абсолютно здоров, к зимовке на куполе стопроцентно годен. Почему бы ему и не стать тем самым новичком, который быстро переходит с Восток на «ты»? А что? Гаранин уже анальгин принял, у Семенова губы как в чернилах, а он...

Филатов чутко к себе прислушался. Вместе с Барминым он подтаскивал к самолету небольшую, размером с двухспальную кровать, алюминиевую волокушу. Снег под ногами был крепко сбитый, на нем почти не оставалось следов, и волокуша скользила плохо, как по песку. Такого странного снега Филатов еще не видел. Да, рот совсем сухой и шершавый, слюна, что ли, не вырабатывается, и, пожалуй, сердцебиение, вроде и нагрузки никакой, а стучит быстро. Вспомнил, как два года назад прилетел на льдину и разгружал самолет: подставлял плечи под мешок с углем, чуть не вприпрыжку тащил метров за двести и спешил обратно – без всякого сердцебиения, с улыбкой. Здесь бы такой фокус не прошел, точно... Филатов покосился на Бармина, не наблюдает ли, уловил его взгляд, кивнул: все в порядке, док.

В самолете Семенов, Гаранин и Дугин подтаскивали вещи к грузовому люку, Семенов посмотрел в иллюминатор: Крутилин стрекотал кинокамерой, а летчики позировали, окружив столб с указательными стрелками. Крутилин заходил с разных сторон, раздвигал людей, чтобы в объектив попали стрелки с надписями – «ПАРИЖ – 15 050 км», «ВОЛГОГРАД – 14 747 км» и другие, в этом ценность будущего фильма. Не так уж много людей на свете могут попасть в такой кадр, будет чем похвастаться.

Столб-реликвия для туристов, подумал Семенов, запечатлеешь его, и всем понятно, где ты был. Лучше бы ты, Ваня, отснял эту пару гнедых, Бармина и Филатова: богатыри, кровь с молоком, а плетутся, как пенсионеры, будто на унты по двухпудовой гире навешено. Эх, не было в первую зимовку кинолюбителей, и нет фильма о том, как восточники рыли шурф, магнитный павильон в толще снега. Вон он, шурф, который чуть не стал могилой начальника станции. А там стояли сани с наваренной железной решеткой из труб, механик Покровский ударил кувалдой по решетке, а она хрустнула, будто фарфоровая. Тогда и узнали, что железо при восьмидесяти градусах – вещь хрупкая, с которой следует обращаться деликатно. Отснял бы ты, Ваня, этот кадр – цены бы ему не было... Или Сашу Бармина, который под восемьдесят пять градусов выходил гулять на полосу, чтобы доказать маловеерам и самому себе, что прогулка под луной в любую погоду исключительно важна для организма.

– Волокуша на подходе, – сообщил Дугин.

– Идите сюда! – донесся голос Белова. – Запечатлеемся вместе, для истории!

– Нам для истории не надо, – ухмыльнулся Дугин. – Идите, груз пустяковый, мы с Веней свободно справимся.

Семенов, Гаранин и Бармин пошли к летчикам. Филатов забрался в самолет.

– С чего начнем, Женя?

– С перекура, – предложил Дугин, присаживаясь. – Или не хочется?

– Не очень, – признался Филатов.

– Нормальная вещь, скоро и про девочек забудешь, – пообещал Дугин. – До конца зимовки.

– Врешь, – недоверчиво сказал Филатов. – Нет, в самом деле?

– Шучу. – Дугин подмигнул. – Но во сне раньше чем через месяц не увидишь. И то без душевного волнения.

– Ну, это еще терпимо. А то чуть не до смерти напугал, даже слабость в ногах почувствовал.

– А вообще как? Шарики в глазах не прыгают?

– Еще нет. Но и в футбол играть не хочется.

– И не захочется. У нас только док психованный, в пинг-понг напарников искать будет. Силы девать некуда, гирей зарядку делает.

– Саша – мужик что надо, – возразил Филатов. – На Льдине, сам знаешь, лучшим грузчиком был. А ты чего на него хвост поднял?

– Некультурно выражаешься, Веня. Мне с твоим Сашей делить нечего, разные учебные заведения кончали. Я в его клистирных трубках не разбираюсь, а он в моих дизелях.

– Что-то я тебя не пойму, Женька. Ласковый такой, в глаза всем улыбаешься, а в кармане фигу показываешь.

– Грубый ты человек, Филатов. – Дугин поднялся. – Кончай перекур. Я вниз спущусь, принимать буду. Носом дыши, слышишь? И нагибайся так, будто пузо у тебя выросло, медленно, понял?

– Проинструктировали, – отмахнулся Филатов. – Ну, принимай.

Аккумуляторы были тяжелые, двухпудовые. Первый из них Дугин принял на руки, как ребенка прижал к груди, осторожно нагнулся и положил на волокушу. С непривычки даже кровь в голову хлынула, с трудом отдышался.

– Может, подождем со вторым? – предложил Филатов.

– А чего ждать, давай.

Дугин, чтобы стать повыше, влез на связку спальных мешков и только принял второй аккумулятор, как мешки вдруг поехали из-под ног. Дугин покачнулся, аккумулятор выскользнул и с грохотом упал на волокушу.

– Цел? – испугался Филатов.

– Что с ним сделается? – Дугин укутал аккумуляторы спальными мешками. – Все, что ли?

– Ящик еще с бифштексами. Да ты разверни, посмотри.

– Бифштексы?

– Какие там бифштексы, я про аккумулятор.

– Никуда он не денется, подавай ящик.

– Держи.

– А теперь все сюда. – Белов подошел к флагштоку. – Ваня, камеру отогрел? Снимешь церемонию подъема флага, зови свою кодлу, Сергей!

– Только побыстрее. – Бортмеханик Самохин взглянул на часы. – Сорок минут стоим, моторы застынут, Николай Кузьмич!

– Быстрее не выйдет, – сказал Семенов. – Рановато, Коля, флаг поднимать.

– Почему это? – с деланным удивлением спросил Крутилин.

– Будто не знаешь, Ваня. Станция оживет, выйдем в эфир – тогда и поднимем.

– Бюрократ же ты, Серега! – возмутился Белов. – Не разводи канитель, поднимай флаг, чинуша!

– Это я чинуша? – засмеялся Семенов. – Не проси, Коля, не стану традицию нарушать.

– Даже ради друга? – забросил удочку Белов. – Который, не шадя своей драгоценной жизни, приволок тебя в эту чертову дыру?

– Именно так, – подтвердил Семенов. – Голый перед тобой разденусь – снимай, а флаг поднимем, когда отобью первую морзянку.

– Тьфу! – Белов под общий смех сдернул подшлемник, вытер слюну. – Такого кадра лишил, собака!

– А где Волосан? – спохватился Бармин.

– Дрыхнет на моем кресле, – сообщил Крутилин.

– Оставайся с нами, пусть летит вторым пилотом, – предложил Бармин. – За тебя вполне сработает!

– Моторы, Николай Кузьмич, – напомнил Самохин.

– Все, братва, летим! – Белов знаком успокоил бортмеханика. – Ну, Серега, ну, бюрократ! Давай обнимемся, что ли? Снимай, Ваня, все-таки тоже кадр не из последних!

– Ради кадра? – с притворным негодованием спросил Семенов. – А вот и Волосан, с ним и обнимайся.

Летчики помогли подтащить волокушу к дому, стали прощаться.

– С завтрашнего дня, Сергей, начинаем рейсы двумя бортами, – пообещал Белов. – Так оставить тебе на денек охотника за пингвинами?

– Конечно, веселее открывать зимовку.

– С одним условием: без меня флаг не поднимать! Нету еще такого кадра в моей коллекции, понял?

– Попутного ветра, Коля!

– Лучше никакого. Ну, до связи!

– До связи, дружище!

«Беда, Николаич...»

Нигде в другом обитаемом месте Земли нет такого обилия света, как на Востоке в полярный день.

Удивительная вещь! Солнце почти что в зените, оно заливает купол таким нестерпимым светом, что без темных очков и шагу не сделаешь; прозрачайший воздух весь пронизан пляшущими лучами, и эта ясно видимая веселая пляска создает столь убедительную иллюзию тепла, что так и хочется раздеться, позагорать. Только не верь этому ощущению, оно сплошной обман. Слишком белый, самый девственный на Земле снег, возгордившись своей несравненной чистотой, отказывается принимать губительное тепло – солнечные лучи отражаются от поверхности и отлетают прочь, как стрелы, пущенные в стальную стену.

Так уже было миллионы раз, каждый год полярным летом солнце штурмует ледяной купол мощными потоками радиации, а тот, укутанный в защитную белую одежду, успешно отбивается от этих атак. В Центральной Антарктиде солнце с его испепеляющим жаром унижено и оскорблено: в титанической борьбе лед побеждает пламень.

И только когда на купол пришли люди, на первозданной белизне появились чужеродные темные пятна, не умеющие отражать солнечные лучи. Нашупав слабинку, солнце устремилось туда, оно очистило от снега крыши домиков, прогрело поверхность стен, но большего сделать не сумело – неистребимые волны холода с поверхности купола поглотили и это тепло, не дали ему проникнуть сколько-нибудь глубоко.

Вот и получилось, что солнце для Центральной Антарктиды было и осталось огромной и яркой лампой дневного света, холодной, как свет далеких галактик.

– Вперед, реаниматоры! – Бармин распахнул дверь.

– Че-го? – с угрозой спросил Филатов.

– Медицинский термин, детка. Будешь оживлять станцию.

– Его самого оживлять пора, – съязвил Дугин, входя в дом. – Милости прошу к домашнему очагу!

– Раздевайтесь, дорогие гости! – проворковал Бармин. – Пол у нас паркетный, наденьте, пожалуйста, тапочки!

– Минус сорок шесть, – сообщил Гаранин, смахнув иней с термометра. – Парадокс! В доме на два градуса холоднее, чем на улице.

– Холодильная камера, – ощупывая лучом фонарика стены холла, покрытые слоем игольчатого инея, сказал Дугин. – Погреб!

– Николаич, вот это сюрприз! – послышался из кают-компания голос Бармина.

Видимо, люк в потолке был закрыт неплотно, и в кают-компанию навалило снега, на столе возвышалась снежная пирамида, верхушкой своей ухотившая в люк.

– Ничего страшного, – успокоил друзей Семенов. – Даже к лучшему, не надо будет заготавливать снег на улице, отсюда возьмем и на питьевую воду и на систему охлаждения для дизелей.

– Эй, новички! – воззвал Бармин. – Это к тебе, Веня, относится, и к тебе, Волосан. Смотрите и запоминайте. Первая дверь направо – кабинет начальника, ничего хорошего вас там не ждет и ждать не будет. Зато вторая дверь – ого! Снимите с благоговением шапки – это камбуз!

«Здравствуй, домишко, родной, – с волнением подумал Семенов. Прошел из кают-компания в радиорубку, отскоблил снег с окна. – Померзнул ты, братишка, за год. Ничего, скоро мы тебя отопреем, перышки твои почистим, и снова ты станешь нашим теплым жильем».

Вошел Гаранин.

– Мои игрушки в порядке, – поведал он, – хоть сейчас давай погоду. А рация?

– Застыла, зуб на зуб не попадает, – ответил Семенов. – Будем греть в спальных мешках, отдельными блоками.

– Не припомню, чтобы мы с тобой хотя бы на несколько часов оказались без связи.

– Да, неприятное ощущение, – согласился Семенов. – К вечеру, Андрей, Восток подаст голос!

– Дома радио всегда выключаю, а сейчас даже утреннюю гимнастику с удовольствием бы послушал.

– Могу устроить, приемник-то я взял с собой.

– погоди, ребята в медпункте сервировали стол. Пошли перекусим.

– аппетита нет.

– У меня тоже. Хоть чайку попьем.

– Чаек – другое дело!

В крохотном, метра на три, медпункте было тепло: Филатов зажег паяльную лампу, и она быстро согрела воздух. Со стены людям ласково улыбалась длинноногая девушка в бикини. Она только что вышла из моря, и крупные капли скатывались с ее загорелого тела.

– Твое здоровье, крошка! – Филатов прихлебнул чай. – Побереги улыбку, через год увидимся.

Отвинтив крышку двухлитрового термоса, Бармин налил крепкого чая Семенову и Гаранину. Из другого термоса Дугин доставал переложенные хлебом котлеты.

– Фирменное блюдо ресторана «Собачий холод»! – похвалил Бармин, энергично работая челюстями. – Ешь, Волосан, за все заплачено. И не смотри на меня скорбными глазами, гипоксированный ты элемент?

– Какой элемент? – спросил Филатов.

– Что у тебя было в школе по химии? – поинтересовался Гаранин.

– Тройка с курицей, – ответил за Филатова Бармин и пояснил: – Веня долго кудахтал, пока не выпросил у учителя тройку. Кислород, детка, это кислород. Его-то Волосану и не хватает, оттого он и молчаливый, слова из него не вытянешь. И ты, Веня, гипоксированный. Хочешь, скажу, как я это узнал?

– Ну?

– Ты тоже перестал лаять.

– Это ты зря, док, – вступился за товарища Дугин. – Часа не прошло, как он меня в самолете облаял, Волосан подтвердит.

Услышав свою кличку, Волосан, который без видимой охоты жевал котлету, встрепенулся было, но в игру не вступил.

– Эх, Волосан, Волосан! – с сочувствием проговорил Бармин. – Где твой гордо поднятый хвост?! Ты ведь теперь восточник, первый пес на Востоке, понял? Автографы будешь раздавать!

– Погаси лампу, Веня, – сказал Гаранин. – Угорим.

– Да, таким теплом баловаться не стоит, – поддержал Семенов. – Сгорание здесь плохое, от газа одуреет... А Волосана давайте-ка сунем в спальник, пусть вздремнет, пока мы наводим порядок. Так, ребятки. Вы вдвоем пойдете к дизелям, а мы с Андреем Ивановичем займемся рацией. Сколько времени тебе понадобится, Жень?

– Сначала отогреем дизеля, это раз, – начал Дугин. – Подготовим емкости для охлаждения – два, подключим аккумуляторы для стартерного запуска – три... Ну, часа два, два с половиной.

– Не забыл восточное хозяйство? – улыбнулся Семенов.

– С закрытыми глазами, Николаич!

– Тогда командуй, тебе и карты в руки.

Дугин встал.

– Пошли, братва.

– Док, – обратился к Бармину Филатов. – Тут по твоей медицинской части... поможешь?

– Что?

– Лампы и аккумуляторы нужно перетащить в дизельную, полы подмести.

– Это мы запросто, это мы в ординатуре проходили. – Бармин важно кивнул. – Веник вульгарис!

Радиостанция – приемник и передатчик – была смонтирована в двух металлических шкафах-стойках и состояла из нескольких блоков. Эти блоки в несколько десятков килограммов каждый предстояло вытащить и уложить в спальные мешки.

– Весь смысл в том, чтобы отходили они постепенно, – сказал Семенов. – Без большого перепада температур.

Работали медленно, подолгу отдыхая.

– В дизельной сейчас тепло, – позавидовал Гаранин. – Авиационная подогревательная лампа небось в несколько минут всю стужу оттуда вытеснила.

– Я Сашу предупредил, чтобы не забывал проветривать, – отозвался Сеченов. – Так что вряд ли у них намного теплее, чем у нас. Деликатнее, дружок, блок питания!

Уложили, закучали в спальный мешок, снова уселись отдыхать. Помолчали, налаживая дыхание.

– Вот и согрелись немножко, – улыбнулся Семенов. – Амундсен сказал, что единственное, к чему нельзя привыкнуть, это холод. И согревался работой.

– К Южному полюсу он добирался на собаках, – напомнил Гаранин, – и подъем на купол происходил постепенно. В этом все дело – постепенно! Поэтому Амундсен и его товарищи не очень страдали от кислородного голодания.

– Как наши ребята в санно-гусеничном походе, – кивнул Семенов.

– В первые дни на Востоке у меня всегда возникает комплекс неполноценности. Я кажусь себе старым и дряхлым...

– Но потом, – подхватил Семенов, – ты видишь, что юный Филатов – такой же гипоксированный элемент, и тебе становится легче. Так, что ли?

Гаранин засмеялся.

– Не по-христиански, но именно так.

– Я тоже самому себе противен, – признался Семенов. – Ну, сколько этот блок весит, килограммов сорок? А руки до сих пор дрожат.

– Похныкали друг другу в жилетку, и вроде полегчало. – Гаранин встал. – Ну, давай.

За полчаса работы сняли и запаковали в мешки четыре блока передатчика.

– Остается «Русалка». – Семенов с нежностью погладил приемник. – Потерпи, подружка, скоро тоже погреешься.

– Твой-то приемник где? – спохватился Гаранин. – Послушаем, как в Мирном люди живут, – в порядке культурного отдыха?

Семенов принес из холла чемодан, достал небольшой приемник на батарейном питании и настроился на Мирный. Пошла морзянка.

– С Беловым работают. – Семенов прислушался и предупредительно поднял руку: – Тише...

Он замолчал и прильнул к приемнику.

– В Мирном начинается пурга. Видимость резко ухудшилась...

– Ну? – Гаранин придвинулся.

– На Молодежной второй день метет, видимость ноль, – не отрываясь от приемника, расшифровывал морзянку Семенов. – Белова может принять австралийская станция Моусон... Это запасной вариант... Белов решил пробиваться в Мирный...

– Идут, выключай, – сказал Гаранин. – Ребятам пока рассказывать не стоит.

Семенов выключил приемник. Из кают-компании слышались голоса.

– На место, «Русалочка». – Семенов с натугой вытащил блок рабочих каскадов.

В радиорубку быстро вошли Бармин и Дугин. Они тяжело дышали. Дугин сдвинул подшлемник на подбородок, снял рукавицы, сгреб со стола иней и протер сухие губы.

– Что случилось? – спросил Семенов, сдерживая неожиданно возникшее чувство тревоги.

– Беда, Николаич, – выдохнул Дугин.

– Филатов? – Семенов похолодел. – Где он?

– В порядке Веня, – успокоил Бармин. – Дизеля...

– Что дизеля?

– Разморожены. – Голос Дугина дрогнул. – Беда, Николаич...

– Фу ты, напугал. – Семенов улыбнулся, быстро взглянул на Гаранина. – Пошли, Андрей.

В ловушке

Дугин сказал правду: оба дизеля вышли из строя.

Это была катастрофа – без дизелей на Востоке делать нечего. Дизель-генератор дает электроэнергию и тепло, в которых Восток нуждается больше, чем любое другое жилье на свете. Без электричества безмолвна рация, гаснут экраны локаторов, бесполезной рухлядью становится научное оборудование. Ну а без тепла на Востоке можно продержаться недолго: в полярную ночь – не больше часа, в полярный день – несколько суток. А потом лютый холод скует, свалит, убьет все живое.

Нет дизелей – прощай, Восток!

Все эти мысли мелькали в голове Семенова, когда он осматривал следы катастрофы. Две тоненькие, еле заметные трещины, а превратили оба дизеля в груды никому не нужного металлического лома. На первом треснула головка блока цилиндров, на втором – корпус. Оба в утиль!

Не слили воду из системы охлаждения? Кто консервировал дизели в прошлом году? Лихачев был механиком!.. Нет, быть такого не может, чтобы Степан Лихачев не слил воду. Наверняка дело в другом: просто образовалась воздушная пробка и часть воды не вышла из системы... Да еще конденсат... вот и получилось скопление влаги... Да, наверное, так, только так. А зимой, когда морозы перевалили за восемьдесят, эта беспризорная, обманом оставшаяся вода и разорвала стальные тела дизелей.

Все. Нет дизелей – прощай, Восток!

Семенов крепко сжал челюсти, чтобы не застонать. «Ты мне станцию оживи, чтобы задышала и запела...» – напутствовал Свешников. Оживил! Верную обиду, Андрея, ребят сорвал, потащил на край света – для чего? Два самолета, двадцать человек летчиков и механиков «Обь» доставила за пятнадцать тысяч километров – зачем?

Доложить о том, что из-за двух никчемных трещин наука еще на год останется без Востока!

– Садись, братва, закуривай, – услышал Семенов голос Филатова. – Отзимовали.

В этих словах были насмешка и вызов. Что ж, справедливое, хотя и жестокое, обвинение. Банкрот остается банкротом, вне зависимости от причин, которые привели его к разорению. Победителя не судят, проигравшего презирают – таков суровый закон жизни. О том, что дизели разморожены, он, Семенов, знать не мог. Но в том, что станция Восток не оживет, виновен будет он и больше никто. И по большому счету это правильно.

Семенов обернулся. Люди молчали, лишь Гаранин взглядом своим говорил, умолял: «Думай, Сергей, думай. Я, к сожалению, в этих игрушках не понимаю, думай за нас обоих!»

– Что предлагаешь, Женья? – спросил Семенов.

– Не знаю, Сергей Николаич.

– Ты, Филатов?

– Вызывать обратно самолет и лететь в Мирный за новыми дизелями! – выпалил Филатов.

Семенов снова склонился к дизелям. Вспомнил забавную присказку Георгия Степаныча: «Не тушуйтесь, ребята, у меня есть сорок тысяч американских способов выхода из любого положения!» И находил! Но перед этими жалкими трещинками и сам Степаныч спасовал бы. Ничем их не заклеишь, не замажешь, даже сварка – будь у них сварочный аппарат – здесь бесполезна.

Подошел Гаранин.

– Влипли, Андрюха... – тихо проговорил Семенов.

– Не впервой мы в таких переделках, Сережа.

– В такой – впервой...

- А шурф? – улыбнулся Гаранин. – Ищи лопату, Сережа, ищи лопату!
- Нет ее здесь, Андрей, и не может быть.
- Найдешь! Ищи и найдешь!
- Спасибо.

И память возвратила его в первую зимовку...

После двухнедельного аврала люди так вымотались, что Семенов разрешил отдыхать днем не один час, а два. До конца зимовки оставалось еще около трех месяцев, и Семенов по опыту знал, что в этот период к людям нужно относиться особенно бережно, так как физическая и нервная усталость достигла уже такого предела, за которым от малейшей искры возможен взрыв, как в шахте, когда накапливается рудничный газ. Поэтому и разрешил отдыхать два часа. Хорошо бы, конечно, больше, но тогда пострадали бы научные наблюдения, ради которых и была основана эта чрезвычайно дорогостоящая станция Восток.

А случилось вот что. Ученые предполагали, что в полярную ночь на ледяном куполе морозы будут под девяносто градусов и безветренная погода; в действительности же морозы перевалили только за восемьдесят, и по несколько раз в месяц задувал ветер пять-десять метров в секунду, а иной раз более пятнадцати. И тогда начиналась поземка, переходящая в сплошную снежную мглу. А в начале октября на станцию неожиданно налетела пурга, ветер с каждым часом усиливался и достиг двадцати пяти метров в секунду. И хотя морозы в пургу резко ослабли, покидать домик стало крайне опасно, и Семенов запретил выпуск радиозондов, а на метеоплощадку разрешил выходить только группой. Когда же на третий дань пурга окончилась, аэропавильон исчез, пятиметровой высоты строение из дюралевого каркаса, обтянутого брезентом, разметало ветром, и обломки каркаса находили потом в радиусе трех километров от станции.

Ни досок, ни других материалов для нового павильона не было, а без аэрологических наблюдений Восток наполовину терял для науки свою ценность. Самолеты в такие морозы не летают, санно-гусеничный поезд из Мирного придет только в январе, так что помочь восточникам никто не мог. «Голь на выдумки хитра», и Семенов придумал построить павильон из материала, которого кругом было в изобилии, – из снега. И начался тот самый аврал. Полчаса работали, полчаса отдыхали в тепле – и так с утра до вечера. За две недели вырыли подходящий котлован, спустили в него оборудование и стали выпускать оттуда радиозонды. А работать на ледяном куполе тяжело: воздух разжиженный и сухой – рашпилем дерет носоглотку, да еще морозы стояли под шестьдесят градусов; вот и выдохлись люди, исхудали, с ног валились...

В один из этих дней после аврала подошла очередь дежурить по станции радисту Соломину. Всем спать, а ему бороться со сном, бодрствовать, чтобы через два часа разбудить товарищей. И Семенов его пожалел. Уж очень устал Пашка, исхудал – один нос на лице остался, на ключе работал – рука дрожала. Не отдохнет, а до отбоя три раза выходить на связь, совсем дойдет парень. Посмотрел Семенов, как Пашка тенью бродит по опустевшей кают-компани, уложил его спать, а сам остался за дежурного. Молодой тогда еще был Семенов, здоровый, даже аврал не высосал его до отказа. А когда сил на двоих – тяжкий грех не поделиться с товарищем. Улыбнулся, припомнив чуть не до слез благодарные Пашкины глаза, вымыл посуду, прибрал помещение и стал думать, на что потратить оставшиеся полтора часа. И решил наведаться к шурфу.

В самом начале зимовки восточники вырыли шурф глубиной метров десять и шириной с деревенский колодец для гляциологических исследований. Отсюда брали пробы снега с целью определения годовых накоплений и плотности, а на разных горизонтах шурфа установили термометры. Сверху он закрывался фанерным люком, а спускаться вниз можно было по корабельному веревочному трапу, связанному из двух частей. Чаще всего показания термометров снимал Гаранин, а подменял его сам начальник.

Некоторое время Семенов колебался, так как права покинуть дом не имел. То есть имел, конечно, но лишь доложившись дежурному, что в данном случае было нелепостью, поскольку дежурным являлся он сам. Покинув в этих обстоятельствах дом, Семенов нарушил бы свой же собственный приказ, за что полагалось суровое наказание.

Когда десять месяцев назад после изнурительного санно-гусеничного похода Петр Григорьевич Свешников открыл станцию Восток, то, оставляя Семенова на первую зимовку, имел с ним долгую беседу. Кто знает, какие неожиданности подстерегают людей в Центральной Антарктиде, на ее ледяном куполе высотой три с половиной километра над уровнем моря, в условиях кислородного голодания и еще не изведанных человеком морозов. В полярную ночь, говорил тогда Свешников, лучше всего вообще в одиночку из дома не выходить, а если уж придется, то на десять-пятнадцать минут и с обязательного согласия дежурного. Так и было написано в приказе, основанном на мудром проникновении в суть полярного закона.

Поэтому Семенов и колебался. Однако убедил он себя, минутное дело – спуститься по трапу и взглянуть на термометры. Оделся, взял фонарик и вышел из дому. Постоял спокойно, чтобы легкие привыкли к студеному воздуху, и долго смотрел на безжизненную пустыню, уходящую к Южному полюсу.

Полярная ночь еще не покинула купол, и луч прожектора вырывал из тьмы узкий сегмент искристого, самого чистого на земле снега. Из-за низких температур снежинки не смерзались, а просто прижимались друг к дружке, как хорошо сваренный рис, при малейшем дуновении ветра они взлетали с поверхности и оседали только при полном штиле. Сейчас в свете прожектора воздух был чист и прозрачен; кожей лица своего, закрытого подшлемником, Семенов ощутил совершенную неподвижность атмосферы, будто и она не выдержала, окоченела от стужи.

Семенов подошел к шурфу, открыл люк, прощупал лучом фонарика десятиметровую глубину колодца и полез вниз, осторожно ступая на деревянные перекладки. По мере того как он спускался, в шурфе становилось все темнее и затихал рокот дизельной электростанции, примыкавшей к жилому дому. И в этой наступающей тишине особенно зловеще прозвучал какой-то странный треск под ногами. Будь у Семенова в запасе мгновение, он успел бы осознать причину и следствие этого треска и тогда, наверное, сумел бы удержаться; но трап оборвался сразу.

Ошеломленный, Семенов лежал на дне шурфа; падая, он ударился о что-то твердое, и боль в ушибленной спине мешала сосредоточиться и понять, что же такое произошло. Но перед ощущением растущей тревоги боль стихала, а вскоре и вовсе исчезла. Семенов поднялся, потопал унтами и повел плечами – вроде бы переломов, вывихов нет. Включил фонарик и увидел раскачивающийся на высоте метров четырех обрывок трапа. Пошарил лучом на дне шурфа, обнаружил другой обрывок – и с холодной, кристальной ясностью осознал весь ужас случившегося.

Первая, самая легковесная мысль – воззвать о помощи. И Семенов чуть было не закричал: «Э-эй, ребята!», – но удержался и не стал этого делать: даже если бы люди не спали, все равно дизель перекрыл бы слабый всплеск упрятанного в колодец голоса. А раз спят, стреляй из пушки – не услышат.

И на смену первой мысли пришла другая – о полной безвыходности положения. Стены гладкие, не на что встать и не на что опереться. Не выбраться ему из ловушки! Не поднимет тревоги дежурный – вот он стоит, дежурный! – и некому будет разбудить людей, проспят до утра. А когда проснутся, спохватятся – спасать будет некого.

Семенов подняв голову, увидел необычайно яркую в чистом небе, полную луну, застывшие вокруг нее крупные звезды и подумал, что они единственные и последние свидетели его позора. И ему стало мучительно стыдно. И такое острое было это чувство стыда, что пересилило оно даже страх перед неминуемой смертью.

По-разному погибают полярники. Иван Хмара в первую экспедицию провалился с трактором под лед, но героически погиб, ценою своей жизни проложил первую колею на припае, другие, даже самые опытные, гибнут в неравной борьбе со стихией, третьи – от несчастного случая – кто на борту «Лены» мог предугадать, что с ледяного барьера обрушится многотонная глыба?

Но так глупо и так бессмысленно, как он, на его памяти не погибал никто. Не подстраховывать свой выход из дома! Безвременно умирать всегда обидно, но хоть бы с пользой умереть, со смыслом!

И тут в сознание Семенова вползла какая-то смутная, ничем не подкрепленная мысль о том, что у него есть шанс. Он встрепенулся, раза три присел и подвигал плечами, чтобы разогнать остывшую кровь, и вновь осмотрел стены шурфа. Нет, зацепиться не за что... А мысль, хотя и оставалась смутной, билась в его голове, как муха в стакане, будто дразнила: «Вот она я, попробуй ухвати!»

И вдруг как огнем ожгло – спина! Обо что он ударился? Луч фонарика – вниз: вот обо что!

На дне шурфа, полузасыпанная снегом, виднелась рукоятка забытой лопаты.

Еще не веря своим глазам, Семенов бережно, как археолог бесценный кувшин, извлек ее из снега. Он пока еще не знал, как она поможет ему спастись, но почувствовал такое огромное облегчение, словно то была не простая лопата, а протянутая ему рука верного друга. Так и обнял бы, расцеловал эту лопату! Даже кровь согрелась, быстрее побежала от сознания того, что двое их уже стало; вдвоем – это мы еще посмотрим, кто кого!

И хотя мороз уже сдавил его своими щупальцами, Семенов стал тщательно и не мельтеша придумывать план, как использовать этот шанс. Перебрал несколько вариантов, трезво оценил их и отбросил: никаких сил, к примеру, не хватит сбивать со стен снег, чтобы встать на получившийся сугроб и дотянуться до трапа. А решился на такой план – выкопать в стене узкую, в размер туловища, нишу, слева и справа сделать в ней ступеньки-пазы для ног и постепенно вести нишу вверх, чтобы сравняться с трапом. Плохо, конечно, что придется копать снизу вверх, но зато в этом плане ощущалась надежность, и Семенов в него поверил.

И неторопливо, размеренно стал вгрызаться лопатой в снежную стену.

Мороз под шестьдесят пять, а полниши выкопал со ступеньками – пот пробил! Да так, что струился по всему телу, пропитывая белье и заливая лицо, и теперь уже стало опасно подолгу отдыхать, потому что мороз быстро пробивал и каэшку, и кожаную куртку, и свитер водолазный под ней, и схватывал пот, резко охлаждая беззащитное голое тело. Но не эта опасность была главная, а то, что мучительно трудно стало поднимать лопату очугуневшими руками, будто не лопату – бревно поднимаешь многопудовое. Сил не хватает на последний метр – вот она, главная опасность! И потому Семенов пошел на большой риск, сбросил каэшку, которая сковывала движения. Это помогло, но не очень надолго. До трапа оставалось каких-то полметра, а силы кончились, и резервов никаких больше не было. Сердце стучало, как отбойный молоток, рвалось из груди, и терпкий вкус крови стоял во рту, а лишенные отдыха легкие не успевали всасывать нужное количество кислорода, и оттого дыхание напрочь сбилось – настолько, что Семенов ощутил непреодолимое желание сорвать подшлемник и вдохнуть воздух открытым ртом. Но превозмог себя: несколько таких вдохов – и верное ознобление легких. Был уже такой случай в Центральной Антарктиде, когда один гляциолог увлекся работой и сорвал подшлемник: минут пять всласть подышал, а спасти не удалось...

Плохо стало Семенову работать. В ушах звенело, к горлу подкатывала тошнота, и серая от лунного света стена, в которую вгрызалась лопата, казалась багрово-красной. Всклипывая и хрипя, он почти что в беспамятстве поднимал и поднимал лопату, сбрасывая новые пласты снега, и казалось ему, что работе этой нет конца. Переступая свинцовыми ногами по ступенькам – пазам, он втискивался в нишу и отдыхал, все меньше боясь, что замерзнет. А когда пошарил вверх рукой и нашупал трап – не поверил, а поверил – почувствовал такой прилив

радости, что в гудящей голове просветлело, а из сухого и шершавого, как наждак, рта вырвался ликующий крик. Обеими руками вцепился Семенов в нижнюю перекладину трапа, повис на ней и тут же понял, что совершил большую, а может, непоправимую ошибку.

Нельзя было лишать ног опоры! Не подумал об этом и повис на перекладине тяжелым мешком, раскачиваясь наподобие маятника. Сил-то подтянуться нет, кончились силы, растворились в нише, как сахар в кипятке. Ох, как не хотелось отпустить трап, а пришлось: разжав руки и рухнул на дно шурфа – мягко, на горку выбранного из ниши снега. И хотя отчаяние, скверная мыслишка о безысходности снова затуманили мозг, вспомнил все-таки – надел каэшку, чтобы не застудить разгоряченное тело. Отдышался, прояснив себе сделанную им ошибку, сбросил каэшку и по готовым ступенькам стал карабкаться наверх. Добравшись до воткнутой в нишу лопаты, передохнул и начал сантиметр за сантиметром удлинять нишу. Много раз им, как утопающим при виде спасательного круга, овладевало искушение ухватиться за трап, но Семенов заставил себя даже не смотреть на него, пока он не оказался ниже уровня колен.

Теперь предстояло самое главное. Трап висел сантиметрах в семидесяти от стены, и действовать нужно было с холодным рассудком, наверняка. Семенов несколько раз отрепетировал в уме все стадии прыжка – несколько раз потому, что уж очень велика была цена неудачи, – и бросил свое тело вперед. Удачно бросил – попал ногами на нижнюю перекладину и мертвой хваткой вцепился руками в боковые веревочные переплетения трапа.

И тогда поверил, что остался жить.

Люди спали, и хотя время подъема уже миновало, Семенов решил сначала привести себя в порядок, чтобы не показываться в растерзанном виде и не вызывать ненужные вопросы. Преодолевая тошноту, выпил четверть стакана спирта, сбросил мокрую от пота одежду, вымылся и оделся во все сухое. Хорошо, тепло стало, так бы и улегся сейчас в постель, но нельзя. Посмотрелся в зеркало, причесался, смазал гусиным жиром помороженное лицо и только тогда поднял Пашку – объявлять побудку. И отправился к себе. Когда же ребята уселись за стол в кают-компании, вышел к ним, будто только-только встал. За полдником ребята пошучивали, что Николаич проспал побудку, а Севка Мирошников пожаловался:

– Николаичу что, у него комната отдельная, спи себе вволю. А у нас Петрович так храпел над ухом, что я два часа проворочался.

– Невезучий ты, Севка, – посочувствовал Семенов. – Так любишь поспать, а еще не начальник.

И стал с наслаждением пить горячий кофе.

Да, тогда его спас случай... Нет, не случай, а те несколько мгновений, в течение которых зародилась и сверкнула мысль о лопате. Здесь она тоже должна быть – лопата. Должна!

Семенова забило от волнения, которое охватывало его всегда перед рождением спасительной идеи. Он отключился от всего на свете и напрягся, словно собирая в кулак все силы своего мозга. Ну? Где-то здесь лежит лопата... Где? Где она, черт бы ее побрал?

Молнией сверкнуло: вот она!

Хорошо, теперь все спокойно разложим по полочкам. Разложили. Прикинули, проверили, уточнили.

Семенов вскинул голову.

– Всех прошу подойти поближе... Так. В первом дизеле где трещина?

– В крышке цилиндров, – по-ученически ответил Дугин.

– Во втором?

– Ну, в блок-картере, – подсказал Филатов.

– Значит, в каждом из дизелей имеются вполне пригодные части, так?

– Ну, так, – согласился Дугин. – А что из того, Сергей Николаич? Не собирать же из двух дизелей один, никаких сил не хватит.

- Тем не менее именно так мы и поступим.
 - Размонтировать крышку цилиндров? – недоверчиво спросил Филатов. – Ну, скажу я вам...
 - Ты что, серьезно, Николаич? – удивился Бармин.
- Семенов уловил взгляд Гаранина: в нем были гордость и восхищение.
- Из двух дизелей будем собирать один, – повторил Семенов. – Это не шутка, Саша, это приказ.

Логика

– Приказ – штука серьезная. – Бармин насупился. – Приказ нужно выполнять. И все-таки, Николаич, дай слово.

– Говори.

– Помнишь, как мы начинали здесь первую зимовку?

– Еще бы, Саша.

– Нас пришло сюда вместе с походниками двадцать пять человек. Жили мы в натопленных балках, на работу выходили сменами, по часу. По часу, Николаич! И то далеко не все выдерживали, кое-кого приходилось освобождать. Ничего не преувеличиваю, Андрей Иванович?

– Ничего, Саша. Ты даже рисуешь, пожалуй, слишком розовую картину.

– На собрании положено сидеть в тепле, – заметил Филатов. – До печенок пробирает. Запустить АПЛ, что ли?

Мощное пламя авиационной подогревательной лампы быстро согрело воздух в небольшом помещении дизельной электростанции. На потолках и на стенах растаял иней, запотели окна. Но дышать стало заметно труднее: и бензин не сгорал полностью, и слишком много кислорода съедало пламя. Пришлось настежь распахнуть дверь.

– Баш на баш. – Дугин махнул рукой. – Антарктиду не натопишь.

– Говори, Саша, – напомнил Семенов.

– Начало первой зимовки не в счет, – продолжал Бармин. – Мы создавали станцию на голом месте, и другого выхода у нас не было. А потом, Николаич, по нашему с тобой предложению было решено так: каждая новая смена, прибыв на Восток, получала неделю на акклиматизацию. Лучше бы, конечно, дней десять, но это уже непозволительная роскошь. И первую неделю на Востоке никто не имел права работать – напрягаться и делать резкие движения, поднимать тяжести. А кто нарушал – харкал кровью и выбывал из строя. Не лакирую действительность, Андрей Иванович?

– Нет, Саша. – Гаранин невесело усмехнулся. – Теперь ты художник-реалист.

– Дальше. Нам нужно из двух дизелей собрать один: размонтировать крышки цилиндров и открутить две дюжины этих гаек, которые приросли намертво к болтам. Чепуха! Пустяк для пяти здоровых мужиков. Детская игра! Где угодно, но не на Востоке. Мы еще не приступили к работе, а у всех одышка, усиленное сердцебиение, кое у кого сильная головная боль. Это в спокойном состоянии! Веня – взгляните! – уже сейчас похож на утопленника. Брось курить, натяни подшлемник, лопух!

Бармин перевел дух.

– Прости, Николаич, во мне вдруг проснулся врач. Пойми, не успели мы акклиматизироваться, в этом все дело. Сорвемся!

– Ты прав, не успели, – согласился Семенов. – И что же ты предлагаешь, Саша?

– Прошу, требую как врач отмени свой приказ!

– Что же ты все-таки предлагаешь, Саша? – настойчиво повторил Семенов.

– Не приступать к работе. Нагреть, скажем, медпункт, переждать до утра в спальнях мешках. А утром, как прилетит Белов, возвратиться в Мирный, привезти оттуда всех людей, новые дизели и монтировать их общими силами. Не одной, а тремя пятерками!

– Предложение дельное. – Гаранин подошел к двери и прикрыл ее. – В нем есть лишь один недостаток.

– Какой же?

– Оно неосуществимо.

– Почему?

– В Мирном пурга.

В наступившей тишине Бармин тихонько присвистнул.

– Точно?

– Я тебя когда-нибудь обманывал, Саша? – мягко спросил Гаранин.

– Простите, забыл о приемнике...

– Белов летит в пургу, – сказал Семенов. – Если боковой ветер, видимость позволят, то сядет в Мирном. Закроется Мирный – примут австралийцы на Моусоне.

– А на Восток его завернуть нельзя? – подал голос Филатов.

– У нас есть уши, но нет голоса. Для передатчика нужна энергия.

– Выходит, будем погибать?

– Лично я не собираюсь, Веня, и тебе не советую, – проговорил Гаранин.

– Тогда другой вопрос, – упрямо рубил Филатов. – Ну, дизеля нам подложили свинью, это понятно. Как пишут в газетах, нелепая и досадная случайность, стихийное бедствие и прочее. А какого лешего мы отпустили самолет? Что он, подождать не мог, пока мы дизеля отогревали, развалился бы на полосе?

– Нет, Веня, он бы не развалился. – Семенов посмотрел на Филатова. – Он бы просто не смог взлететь из-за переохлаждения двигателей. Разогреть-то их нам было бы нечем. Так что летчики, к сожалению, ждать не могли. Только поэтому, Веня, ты и остался на Востоке.

– Я? – Глаза Филатова потемнели. – Почему один я?

– Мне почему-то кажется, что все остальные не улетели бы в любом случае.

– А ведь это уже вроде оскорбление, отец-командир. Выходит, я трус?

– Выходит, так. Еще пуля не просвистела, а ты готов погибать.

– Я?

– Ты.

– Но ведь это же я так, ребята, – Филатов растерянно оглянулся, – в переносном смысле...

– Посмотрим.

– Знаешь, Николаич, я не улавливаю логики, – сказал Бармин. – Ну, Веня просто брякнул чушь, у него слово частенько опережает мысли. А я – трус?

– Что ты, дружок.

– Может, паникер?

– И такого за тобой не припомню.

– Но ведь я тоже считаю, – медленно и раздельно произнес Бармин, – что все мы должны были бы отсюда улететь!

– Если бы да кабы... – отмахнулся Дугин. – Чего время на душеспасительные разговоры терять, приказано – давайте работать.

– Из тебя бы трактор хороший вышел, – буркнул Филатов. – Послушный воле и руке человека.

– А ты...

– Помолчите! – остановил их Бармин. – Где же логика, Николаич?

– Хорошо, Саша, будем разбираться. – Семенов зябко повел плечами, прошелся по дизельной. – Представь себе, что мы возвратились в Мирный. А там пурга, и сколько она продлится – один антарктический бог знает. Ну, допустим, неделю. Учти, это уже будет середина февраля! И вот пурга закончилась, стали мы перевозить на Восток дизеля – за три рейса один, и шестнадцать человек, да еще продукты для них, спальные мешки. Еще неделя – это если погода летная. А на Востоке уже не сорок пять, как сегодня, а много за пятьдесят! Где эти люди будут жить? И не два-три дня, а полтора месяца, пока не смонтируют на новых фундаментах новые дизеля. Где, Саша? Мы-то их собирались монтировать в тепле и потихоньку, пока вот эти, – Семенов похлопал рукой по корпусу дизеля, – наш тыл будут обеспечивать!

Семенов отдышался.

– Без этого тыла новых дизелей нам не поставить, Саша, спроси механиков, подтвердят. Вот и выходит, что улететь отсюда с Беловым – значит поставить на Востоке крест.

– Ты прав, Николаич, – тихо произнес Бармин. – И я – тоже.

– Тогда и выбирай себе правду по вкусу, друг мой.

– Хотя я и трус, – Филатов с вызовом посмотрел на Семенова, – а даром хлеб есть не привык. И залезать в спальный мешок, как Волосан, не собираюсь. За дело, что ли.

– Вот это разговор! – поддержал Дугин. – Гайки, Веня, бензинчиком полить надо, прикипели. Тащи инструменты!

– погоди. – Бармин жестом остановил Филатова. – Для успокоения совести, Николаич, послушай Мирный!

– Хорошо, идемте.

Через холл и кают-компанию люди прошли в радиорубку. Семенов включил приемник, откинув капюшон каэшки, надел наушники и повертел ручку настройки. В мертвой тишине отчетливо слышалась морзянка.

– Это Белов. – Семенов сжал руками наушники. – Над куполом ясно... Пролетели Комсомольскую... Мирный в эфире... Ветер усиливается... Боковой пятнадцать метров в секунду... Видимость три-пять метров... Белов... Пока держу курс на Мирный... Конец связи.

Никто не проронил ни слова.

Семенов снял наушники, выключил приемник, набросил на батареи спальный мешок.

– Женя, сколько времени займет перемонтаж? Примерно.

Дугин задумался.

– Трудно загадывать, Николаич, – нерешительно сказал он. – Как считаешь, Вень?

– На материке часов бы за пять сработали.

– То на материке... Ну, сутки, не меньше. Да еще емкость для охлаждения дизелей делать взамен лопнувшей.

– Понятно. – Семенов поднялся со стула. – Если кто хочет сказать – говорите. Но покороче.

– Не о чем больше говорить. – Гаранин поежился, потопал унтами. – От холода одна защита – работа. Пошли, друзья.

Один за другим люди покидали радиорубку. Семенов задержал Бармина.

– Следи за нами, Саша. Увидишь, кто дошел до ручки, – применяй власть. Но с пониманием, дружок.

– Боюсь, Николаич, сорвемся...

– Знаю. А помощи ждать неоткуда, в таком холоде долго не продержимся. Запустим дизель – выживем. Ну, пошли.

Гаранин

Главными фигурами на Востоке стали Дугин и Филатов. Семенов тоже понимал в дизелях, но не настолько, чтобы вмешиваться в демонтаж столь сложных агрегатов.

В крышку цилиндров, фасонную отливку из серого чугуна, были вмонтированы десятки деталей. Чтобы их снять, следовало произвести множество операций, каждая из которых требовала мастерства и особой точности: отсоединить от форсунок трубки, выпускной коллектор от трубы отвода газов и многое другое. И самое важное – равномерно отпустить все гайки, крепящие крышки цилиндров. Вот дойдет дело до гаек, тогда и начнется проверка на выносливость. Но пока что Дугин и Филатов справлялись сами. Они снимали детали и бережно укладывали их на покрытый брезентом верстак.

Семенову, Гаранину и Бармину досталась работа, не требующая высокой квалификации – подготовка временной емкости для охлаждения дизеля. Для этой цели вполне сошлась бочка из-под масла, которая нашлась на свалке: пустые бочки и прочие отслужившие вещи с Востока вывозить – себе дороже, и этого добра на свалке хватало. Бочку выкопали, уложили на волокушу и потащили к дому, изредка останавливаясь для отдыха.

Бармин ударил ногой по бочке, сбивая с нее снег, и она загудела поюще и протяжно. Гаранин проводил исчезающие звуки и оглянулся. Он испытывал странное ощущение неправдоподобия окружающего его мира; наверное, подумал он, то же самое чувствуют космонавты, когда смотрят в иллюминаторы своего корабля. Восток был погружен в абсолютную, воистину космическую тишину. Беззвучно повис опущенный с безоблачного неба занавес из солнечных лучей, не скрипел под ногами плотно сбитый снег – отовсюду доносилась лишь тишина. Она была неестественна из-за своей абсолютности, такую тишину люди не любят и называют могильной. И вдруг Гаранину пришло на ум простое объяснение, почему он никогда не слышал такой тишины: ведь на Востоке всегда круглые сутки работали дизели. И улыбнулся: бывало, его раздражал их неумолчный рокот, мешал заснуть. Чудак!

И второе непривычное ощущение: с мороза положено входить в тепло, а они вошли в еще больший холод. Хотя нет, улица и дом температурой уже сравнялись, и там и здесь сорок восемь. Такой мороз на Востоке и за мороз не считали, по часу запросто работали на свежем воздухе. Но грелись потом, отдыхали!

Бочка – это еще не емкость, одно днище у нее лишнее. И его нужно вырубить. Тоже работой не назовешь – на материке, а на Востоке в первые дни и ложку ко рту поднести – работа. Начали. Один держал кузнечными клещами зубило, другой бил по нему молотком. Легковат молоток, зубило даже царапины не оставляло на днище.

Подыскивали другой, потяжелее, – все равно отскакивает зубило, кувалда ему нужна, не меньше. А кувалда весит полпуда. Для «гипоксированных новичков», подсчитал когда-то Саша Бармин, в первую неделю бери коэффициент четыре: значит, два пуда весит кувалда. Четыре ли, дорогой доктор? Не два пуда, а два центнера весит эта кувалда...

Раз, два, три – зубило вгрызлось в железное днище. Четыре, пять – есть первое отверстие. А таких нужно примерно пятьдесят, итого двести пятьдесят ударов, подсчитал Гаранин. Шесть, семь, восемь, девять...

Бармин задохнулся, выпустил из рук кувалду.

– Что, док, зарядку с гирями делать легче? – подмигнул Дугин, подхватывая кувалду.

– Занимайся своим делом, Женя, – отстранил его Семенов. – Как-нибудь сами, по очереди.

Раз, два, три... четыре...

Плохо считал, усмехнулся Гаранин, неравноценны они – удары Саши Бармина и Сергея Семенова.

Пять... шесть...

Бармин усадил Семенова на покрытую спальным мешком скамью.

– Моя очередь. – Гаранин подал Бармину клещи. – Держи.

Еще шесть ударов – пробито второе отверстие. Значит, на него потребовалось двенадцать ударов, почти в два с половиной раза больше, чем одному Саше... Все, больше не считать, приказал себе Гаранин. Здесь важен лишь итог. Днище необходимо вырубить, потому что только тогда бочка станет емкостью для охлаждения, без которого дизель работать не может. А пятьдесят или пятьсот ударов – для него не имеет значения.

Один держал клещи, другой бил кувалдой, третий сидел на скамье – отдыхал.

Дугина и Филатова трогать было нельзя: самым ответственным делом занимались именно они.

Голова раскалывалась от боли. В другое время Саша объяснил бы, что легким и крови, бегущей по сосудам, не хватает кислорода, и, весело похлопав по плечу, уложил бы на часок в постель. Но теперь Саша делать этого не станет, не только потому, что ему никто на свое самочувствие не пожалуется, но и потому, что он на время перестал быть врачом. Богатырская сила доктора сейчас куда важнее его медицинских знаний, Саша – лучший на станции молотобоец.

Гаранин преодолел приступ тошноты, встал со скамьи и взял кувалду.

На небольших полярных станциях сменные метеорологи работают в одиночку, и Гаранин привык оставаться наедине с самим собой. Сначала это его тяготило, а впоследствии он нашел в длительном уединении даже особую прелесть, поскольку любил размышлять на всякие отвлеченные темы. Как-то на станции Скалистый Мыс, задумавшись о поведении плотника Михальчишина, Гаранин задал себе вопрос: что же движет нашими поступками? Можно ли с математической точностью рассчитать, как поведет себя человек в той или иной ситуации? И, анализируя случай с Федором, пришел к выводу: нельзя, ибо логика, столь необходимая в точных науках, неприменима к области психологии. И что мы, наверное, никогда не узнаем, что движет нашими поступками, почему в тот или иной момент мы поступаем именно так, а не иначе. И пусть не узнаем: ведь механизм души самое сокровенное в нас, и нельзя допустить, чтобы кто-нибудь овладел знанием этого сокровенного. Если это случится, человека могут обезличить, как робота, могут заставить его поступать в интересах тех, в чьих руках кнопка.

Одним, думал Гаранин, движет всевластная любовь к семье, другим – темная скупость, третьим – неистребимое честолюбие... Ну а тобой? Ни семьи, ни любимой у тебя нет; деньги в твоих глазах цены не имеют; от аспирантуры ты отказался и научную работу пишешь больше для себя, чем для славы...

Анализировать самого себя – занятие нелегкое, но вскоре случай дал Гаранину богатую пищу для размышлений.

Георгий Степанович Морошкин послал его в Ленинград оформлять наряд на новое оборудование для станции. Приехал Гаранин в институт и в отделе снабжения познакомился с молодой женщиной, которая работала там экономистом. В какие-нибудь десять минут, пока она оформляла наряд, понял, что это она. Будто захлестнуло горячей волной – она! Виду не подал, в разговоры не вступал, а только смотрел, сжав зубы, без эмоций, чтоб не показаться смешным, и пронизывало его новое, никогда еще не испытанное чувство нежности к незнакомой женщине. Получил наряд, ушел и весь день проходил сам не свой – думал. Знал по рассказам опытных людей, что полярнику, равно как и моряку, вернувшемуся из дальнего плавания, очень легко ошибиться в таком чувстве, потому что можно неверно истолковать волнение, неизбежное после долгого отрыва от женщин. Такие случаи Гаранину были известны, многие его знакомые после зимовок быстро женились, но далеко не все удачно, поспешность могла бы привести к нелепым и даже печальным последствиям. Ходил по улицам, смотрел, сравнивал, видел, что многие девушки и стройнее и красивее Лидии, но чувство, ею возбужденное так

внезапно, никак не исчезало, и к концу рабочего дня ноги сами собой привели Гаранина в отдел. Увидев Гаранина, Лида с неудовольствием поджала губы.

– Я уже работу закончила.

– Потому и пришел, – с отчаянной смелостью заявил он. – Может, разрешите проводить?

А про себя твердо решил: не позволит – тут же повернется и уйдет, носа своего в отдел не покажет. Значит, занята и нечего слюни распускать.

Позволила – и с того вечера все началось. Гаранин сам себя не узнавал: половину следующего дня пугалом проторчал в отделе снабжения, несколько раз таскал туда пирожки и торты – угощал сотрудников и глупо улыбался в ответ на их понимающие подмигивания. А Лида восседала за столом чрезвычайно довольная – кокетничала с посетителями, гасила его ревность обещающим взглядом, заливисто смеялась, рассказывая подружкам по телефону какие-то пустяки, – словом, целиком включилась в игру, правилам и нюансам которой несть числа. Но Гаранину все в Лиде казалось необыкновенно милым: и вздернутый носик, и модная стрижка «под мальчишку», и даже чернильное пятнышко на руке, которое Лида пыталась стереть резинкой.

На третий день Лида разрешила ему то, о чем он и мечтать боялся, а наутро он сделал ей предложение.

Лиде Гаранин нравился; впрочем, она об этом особенно и не задумывалась, такого предложения ей еще никто не делал, а в двадцать два года пора выходить замуж. На три года старше ее, повидал жизнь – мужчина, а не восторженный студентик, который по вечерам торчал под ее окном; хорошо устроен, после зимовок деньги приличные на книжке собрались, да и собой высокий такой, симпатичный. И предложение она приняла. Порешили так: Гаранин возвращается на станцию, по возможности быстро берет отпуск, и они расписываются. Можно было бы, конечно, подать заявление прямо сейчас, но Лида боялась показаться чересчур торопливой. К тому же сразу начинать семейную жизнь на глухой полярной станции ей вовсе не улыбалось, Андрея все-таки звали в аспирантуру, не вечно же он будет сидеть в том медвежьем углу.

В отпуск Гаранин сумел вырваться только через три месяца, никак не находилась подмена. Прилетел, вещи из багажа не получил – в институт помчался, посмотреть на нее, убедиться, не передумала ли. Лида, обрадованная его щедрыми подарками, еще больше уверилась в правильности своего выбора; совсем потерявший голову Гаранин предупреждал любые ее прихоти, подруги поздравляли и завидовали, мать мудро советовала – «ты с ним поостороже, пусть каждой милости с трудом добивается, сильнее любить будет». Своего ума у Лиды было немного, и совет матери она восприняла уж очень прямолинейно – стала капризничать, обижаться и делать вид, что колеблется принять окончательное решение. Будь Гаранин поопытнее, он легко разобрался бы в этой игре, но полюбил он впервые, а первая любовь всегда слепа. Не скоро он осознал, что принял городскую нахватанность и банальную осведомленность за ум, а физическую близость за любовь...

Но кто знает, как сложилась бы его жизнь, если бы не радиограмма, которую прислал директору института Георгий Степанович, на припав при исполнении служебных обязанностей погиб метеоролог Иван Акимыч Косых. И ввиду того, что старший метеоролог Гаранин находится в отпуске в связи с женитьбой, просьба срочно прислать нового специалиста.

Узнав про эту радиограмму, Гаранин решил немедленно возвратиться на станцию.

Вот тут-то Лида и ошиблась. В том, что касается любви, женщина бывает проницательнее мужчины, но ей нередко вредит склонность преувеличивать свою силу. Податливость и покорность Гаранина она сочла за полное подчинение его воли своей; ей и в голову не могло прийти, что он способен поступиться любовью ради такого в ее глазах аморфного и неопределенного понятия, как чувство долга. О каком срочном возвращении может идти речь, если они завтра же идут подавать заявление? Гаранин стал ее убеждать; Лида сначала удивилась, потом

оскорбилась, голос ее стал ледяным, в глазах появился какой-то злой шоколадный оттенок, и произошла тяжелая сцена, после которой Гаранин, потрясенный, отправился в аэропорт.

Через несколько месяцев Гаранину удалось попутным бортом вырваться на денек в Ленинград – лучше бы оставался на станции. Лида встретила его холодно, от объяснений нетерпеливо отмахивалась. По ее бегающим глазам Гаранин догадался, что у нее, наверное, появился другой, и очень страдал от этой злосчастной догадки.

Вскоре Лида вышла замуж, о чем честно сообщила Гаранину короткой радиogramмой. Сергей выручил – вместе с ним коротал он тогда бессонные ночи. А потом дошло, что замужество ее оказалось неудачным. Через общих знакомых она пыталась вновь наладить контакты, давала понять, что жизнь многому ее научила, но осыпалась черемуха... Что-то шевельнулось в душе Гаранина, когда вновь повидался с ней, поблекшей и заплаканной, но жалость не любовь, и прошлого это свидание не воскресило...

Не воскресило, но осталось в том уголке мозга, в котором, как в архиве, накапливается прошлый опыт. И если человек самокритичен и умен, то, пытаясь познать себя, он многое может оттуда почерпнуть, усмотреть логику в повторяемости поступков.

Много думал Гаранин, пока не понял, какое чувство у него настолько сильнее других, что подчиняет себе все и движет его поступками. Именно оно оказалось сильнее любви к женщине, оно не раз побуждало рисковать собой ради других, заставляло надолго расставаться с женой и сыном, отказываться от благополучия научной карьеры.

Это – чувство долга.

Ни с кем, даже с ближайшим своим другом, Гаранин никогда об этом не говорил. Он полагал, что для товарищей, с которыми его связала судьба, чувство это естественное, само собой разумеющееся, а раз так, то говорить о нем немножко смешно.

Гаранин передал Бармину кувалду, но не сел на скамью, а побрел к двери. Отворил ее, вышел на свежий воздух, сделал несколько шагов в сторону. Его жестоко вырвало, с желчью и кровью. Постоял, отдышался и возвратился в дизельную.

Бармин, казалось, с прежней силой обрушивал кувалду на зубило, но теперь после каждого удара подолгу отдыхал. Шатало Семенова, добрались до гаек и перестали шутить Дугин и Филатов.

Остались две опасности, подумал Гаранин, – холод и кислородное голодание. А поначалу их было три.

Когда Бармин попросил слова, Гаранин замер. Он боялся, что Семенов оборвет доктора, скажет что-нибудь вроде «приказы не обсуждают» или другую резкость. Последствия такой ошибки предугадать было бы трудно.

Бывают ситуации, когда людям нужно выговориться, чтобы понять. Ничто не дает такой пищи сомнению, как невысказанное слово, – оно действует так же разрушительно, как вода, разорвавшая дизели. Приказ в такой ситуации может обязать, но не убедить.

Но подлинное чувство долга овладевает человеком лишь тогда, когда исчезает сомнение.

«Собаку накорми, человека убеди, – говорил Георгий Степаныч. – Поверит – море переплывет, не поверит – в луже утонет».

Значит, чувство долга рождается верой, совершенной убежденностью в единственной правде.

Это и считал Гаранин третьей и главной опасностью – сомнение. Теперь оно исчезло: все люди осознали, что из двух дизелей нужно собрать один. Только так, другого выхода нет. Сделают это – станция оживет, даст людям тепло и кров. Не сделают – станут игрушкой в руках слепых и безжалостных сил природы – пурги в Мирном, лютой стужи и горной болезни.

Бармин

Бармин обрушил кувалду на зубило. Он тоже давно перестал считать удары, но чувствовал, что они становятся все слабее. Теперь, чтобы поднять кувалду, приходилось преодолевать яростное сопротивление всего тела. Дрожали, подгибались от слабости ноги, взбесилось и рвалось из грудной клетки сердце, стали совсем чужими свитые из стальных мускулов руки.

Бармин втягивал в себя жидкий воздух и никак не мог им насытиться. От теплого дыхания и пота иней на подшлемнике подтаял и норовил превратиться в ледяную корку. Второе дыхание не приходило, и Бармин доподлинно знал, что оно не придет. Кратковременный отдых уже не восстанавливал силы, а длительный мог оказаться смертельно опасным: холод сковал бы разгоряченное тело и вызвал необратимые изменения в легких и бронхах.

Сантиметров шестьдесят пробитого по периметру днища поглотили огромную физическую силу Бармина.

Он еще раз поднял кувалду, с ненавистью опустил ее на зубило – промах! Филатов протянул руку, его очередь. Бармин присел на скамью. Что-то давно ты не улыбаешься, Венья, подумал он, не слышно твоего жеребьячьего смеха. С полчаса назад подковырнул: «С тебя, док, хоть портрет пиши, глаза и губы одного цвета – синие». И с тех пор слова из Вени не выдавишь, всю Венину жизнерадостность вытянула кувалда.

По настоянию доктора механики заменили Семенова и Гаранина, ударам которых уже не хватало мощи. Откручивать гайки торцовым ключом с воротком не очень намного, а все-таки легче. Главное – стронуть гайку с места, да не грубым рывком, чтобы не полетела резьба, а с нежностью. А от зимних прошлогодних морозов промасленная гайка вкипела в болт, попробуй уговори ее повернуться. Нет, пожалуй, не легче, чем кувалда. И то и другое – тяжелее.

Сколько времени отдыхал? Минуту, а мороз схватил пот на лице (не забывай растирать, не то в два счета обморозишь), и пополз вниз, по шее к спине и груди. Хорошо бы еще посидеть, пока сердце перестанет отбивать чечетку, а нельзя. Заколдованный круг: от холода спасение в работе, а работать нет сил. И еще одна мысль пришла Бармину: было бы сейчас градусов восемьдесят, емкость из этой бочки соорудили бы шутя. Три-четыре удара кувалдой – и днище вылетело бы, как стеклянное. Но перемонтировать дизеля при восьмидесяти градусах – дудки, случись такое на Востоке зимой – жизни людям бы осталось минут на пятьдесят: математический расчет. Без притока тепла температура воздуха на улице и дома за эти минуты сравняется, а на таком морозе живые существа бороться за свое существование не умеют. Минут через двадцать начнется сухой спазматический кашель, не такой, как у Филатова и Гаранина (у них пока еще с мокротой), а именно сухой, который предвещает омертвление тканей органов дыхания; резко побелеет кожа лица, взгляд станет менее осмысленным, почти таким же, как сейчас у Дугина.

Бармин забрал у него кувалду, посадил на скамью и засмеялся хрипло, с короткими паузами из-за перебоев дыхания.

– Вспомнил, как Женька... – Бармин сделал глубокий вдох, – с кувалдой в бухгалтерии... Он махнул рукой, вновь рассмеялся.

– Пошел ты... в свою двадцать пятую каюту, – проворчал Дугин. – Тоже мне Райкин...

– Перекур, – предложил Семенов.

Курить, конечно, никто не стал. Люди уселись на спальные мешки, расслабились. Дугин что-то ворчал про себя, улыбались, прикрыв глаза, Семенов и Гаранин; кривил в улыбке треснувшие губы Филатов.

Накануне ухода в экспедицию Филатову до зарезу понадобились деньги – продавалась по случаю отличная кинокамера. Бросился в бухгалтерию за авансом – все заняты, некогда, приходите завтра. А завтра-то будет поздно! У Бармина и Дугина, на которых натолкнулся в

коридоре, тоже свободных денег не оказалось, и расстроенный Филатов махнул было рукой на кинокамеру, как вдруг у доктора созрел план. Велел ребятам ждать, а сам пошел в бухгалтерию – уговаривать. Через несколько минут возвратился довольный.

– Требуют услуги за услугу, бюрократы, – весело сообщил он. – Секция водяного отопления у них вот-вот упадет, крюк подбить надо, а слесаря не допросятся. Женя, будь другом, возьми в мастерской кувалду.

Когда вооруженный кувалдой Дугин направился в бухгалтерию, Бармин рухнул на стул и начал тихо умирать от смеха.

– Ты чего, спятил? – недоумевал Филатов.

– Ой, что сейчас будет... – стонал доктор.

В самом деле, до них тут же донеслись женские крики, визг и грохот падающих стульев. Бармин вытер слезы, подтянул галстук и помчался в бухгалтерию, откуда вывел под руку совершенно растерянного Дугина. Из всех щелей на них испуганно поглядывали бухгалтеры.

– Что они, белены объелись? – возмущался Дугин. – Я говорю: секцию исправлю, вот кувалда, крюк вгоню... А они...

– Ничего, это скоро пройдет, друг мой, – ласково успокаивал его Бармин. – Проглоти таблетку, и тебе сразу станет хорошо.

И сунул в рот Дугину мятную конфетку.

Выпроводив Дугина, Бармин подмигнул Филатову и вновь пошел в бухгалтерию. Через две минуты Филатова вызвали в кассу и с чрезвычайной любезностью предложили расписаться в ведомости.

– Я не сплю? – радостно изумлялся Филатов, пересчитывая деньги. – Как тебе это удалось, док?

– Пустяки, – скромничав Бармин. – Я к ним зашел и предупредил, что механик Дугин спятил и бродит по этажам с кувалдой, а мне поручено его найти и обезвредить. Я им, может, жизнь спас, неужели отказывать мне в такой ерунде?

Всю дорогу до Мирного околпаченный Дугин тщился отомстить доктору, но тот был бдителен и попался на крючок лишь под самый конец путешествия. Дугин чем-то угодил штурману, и тот объявил по судовой трансляции: «Бармину срочно зайти в двадцать пятую каюту! Бармину срочно зайти...» И на глазах многочисленных и восторженных свидетелей доктор долго метался по коридорам, пока не осознал, что в каюте под указанным номером находится галюн...

Бармин поднялся, хлопнул Дугина по плечу – подставляй зубило, друг ситный, – и взял кувалду.

А полярным врачом он стал так. Однажды за победу в студенческих соревнованиях по самбо ему вручили приз – стопку книг. Одна из них и сыграла неожиданно большую роль в его судьбе – книга о жизни, путешествиях и гибели капитана Роберта Скотта.

И даже не вся книга, а несколько строк из нее.

Придя на Южный полюс и убедившись, что Амундсен на целый месяц его опередил, Роберт Скотт со своими спутниками отправился обратно. Долгими неделями шли люди по Антарктиде, волоча за собой сани с грузом, шли, удрученные неудачей, израненные и обмороженные, и на сто сороковой день пути слегли, чтобы умереть от голода и холода, в нескольких милях от склада с продовольствием и горючим. Они преодолели бы это расстояние, но поднялась сильнейшая пурга, переждать которую им было не суждено. Так вот, одно из величайших и, наверное, труднейшее в истории географических открытий путешествие завершилось трагедией из-за того, что в пищевом рационе его участников отсутствовал витамин С. Капитан Скотт и его товарищи погибли от цинги. Именно цинга окончательно лишила их сил и не позволила переждать ту последнюю в их жизни пургу.

Десяток лимонов, несколько коробочек с витаминами, которые продаются в любой аптеке, – и легендарный герой остался бы в живых! «Был бы я с ними...» – мальчишеская мысль, а дала первотолчок, побудила задуматься, размышлять о роли врача среди людей, оказавшихся в исключительных обстоятельствах. В мечтах своих дрейфовал на льдинах, зимовал на далеких полярных станциях, а распределили врачом «Скорой помощи» в заштатный городок. Здесь люди тоже страдали, звали выручать и смотрели на него как на спасителя, он выручал, спасал и продолжал мечтать о работе, которая поглотит его целиком. Так прошел год в неустанных хлопотах и скуке, среди спокойных и тихих людей, привыкших в десять часов гасить свет и ложиться спать. Один ночной визит все перевернул. Приехал на окраину городка, разыскал на берегу озера небольшой домик, вошел, и сердце его дрогнуло: в углу комнаты, подпирая головой потолок, стоял на задних лапах чудовищных размеров белый медведь. Бармин осмотрел больного, человека лет тридцати, предложил тревожно суевившимся старикам одеть сына, увез его в больницу и незамедлительно удалил воспаленный аппендикс. Несколько дней, пока пациент лежал в больнице, Бармин проводил у его постели все свободное время, расспрашивал о жизни полярников, слушал рассказы о разных приключениях, то и дело выпадавших на их долю. Семенову (а это был он) Бармин понравился, осторожно, чтобы не обидеть молодого хирурга, навел справки и, расставаясь, обещал позаботиться о его судьбе. В лютом нетерпении прожил Бармин три недели, пока не получил из Ленинграда телеграмму с предложением приехать в институт.

А еще через два месяца, не веря своей удаче, ушел в составе антарктической экспедиции на станцию Восток.

На этой самой тяжелой для жизни людей станции (Южный полюс, где зимуют американцы, расположен гораздо ниже Востока: и морозы там послабее и кислорода в воздухе побольше) Бармин узнал о том, что еще не встречалось в учебниках. Он видел, как молодые, полные сил люди задыхались, корчились и исходили кровью в муках акклиматизации, как неделями не заживала пустяковая царапина, как человек, у которого кровяное давление упало до 60 на 30, спокойно работал и не жаловался на самочувствие, он видел, как в полярную ночь, когда магнитные бури на две недели разорвали эфирную нить, связывающую Восток с внешним миром, распадалась личность внешне совершенно здорового человека.

Одного он лечил отдыхом, второго лекарствами, третьего психотерапией. Механик Назаркин перестал умываться, зарос грязью, не менял белье – доктор все выстирал и выгладил, перевязал розовой ленточкой и положил на аккуратно им же застеленные нары. Не помогло – скрытно сфотографировал в разных ракурсах опустившегося парня, раздобыл фото, где тот, симпатичный и элегантный, весело улыбается жизни, и соорудил витрину: «Сегодня и вчера Пети Назаркина – свадебный подарок его невесте от коллектива Востока». С того дня не было на станции человека более преданного идеалам чистоты и гигиены, чем механик Назаркин.

В ту зимовку Бармин впервые спас человека благодаря не знаниям своим, а наблюдательности и физической силе. В августе, под самый конец полярной ночи, морозы стояли неслыханные – под восемьдесят пять градусов. Мороз не мороз, а радиозонды аэрологи запускали, и метеоролог четыре раза в сутки выходил снимать показания приборов. В тот день Бармин дежурил по станции, и когда Гаранин отправился на метеоплощадку, с точностью до минуты зафиксировал его выход из дому. Дальше события развивались так. Гаранин обнаружил на актинометрическом приборе повреждение контакта и, чтобы устранить неисправность, снял рукавицу. В ладони мгновенно появилась сильная боль, потом она вдруг исчезла, и в свете прожектора Гаранин увидел, что рука побелела. Встревоженный, он надел рукавицу и поспешил к дому, а на Востоке-то спешить нельзя! Шагом нужно ходить на Востоке, медленным, старческим шагом, иначе в два счета сорвешь дыхание...

А Бармин смотрел на часы. Пять, семь минут прошло – нет Гаранина. Минуты три можно было бы еще подождать, но Бармин, томимый неясным предчувствием, доложил, оделся и

направился к метеоплощадке, где и нашел Гаранина, который споткнулся о шланг питания, запутался в нем, упал и не мог подняться. Здесь уже Бармин забыл о том, что и тяжести на Востоке нельзя поднимать и резких движений делать не рекомендуется. Времени бежать за подмогой не было. Бармин взвалил беспомощного товарища на спину, внес в помещение и растер спиртом. А спохватись доктор чуточку позднее – быть бы новой могиле на острове Буромского, усыпальнице погибших в Антарктиде полярников... Впрочем, как смеялся потом Бармин, благодаря этому случаю, он «накропал материалчику для научной работы: открыл влияние холода на певческие способности». Когда, спасая Гаранина, он тащил непосильную для одного человека тяжесть, то наглотался морозного воздуха и... онемел: спазмы голосовых связок не позволяли произнести ни единого слова. Над мычащим доктором сначала подшучивали, потом испугались, но компрессами и безжалостными массажами Бармин сам себя вылечил.

За год первой зимовки познал людей больше, чем за всю предыдущую жизнь. В обычных условиях, выяснил он для себя, сущность человека скрыта, и нужны чрезвычайные обстоятельства, чтобы она проявилась. Так, Семенов и в еще большей мере Гаранин отнюдь не кажутся сильными. Общаться с ними просто, они доброжелательны, слушают других не перебивая, охотно оказывают разные бытовые услуги, узнав, что доктор получил новую квартиру, пришли и два дня приводили ее в порядок, помогли перетащить мебель. А Гаранин и вовсе мягок, хоть узлы из него вяжи – одолжит деньги, доподлинно зная, что не получит их обратно, отдаст накопленный на зимовках научный материал наглецу-аспиранту и прочее. Но в чрезвычайных обстоятельствах обнаруживается, что эти, казалось бы, нехарактерные для сильных личностей поступки нисколько не мешают и Семенову и Гаранину быть твердыми, жесткими, а порой и жестокими. Взять хотя бы тот аврал в полярную ночь, когда пурга разнесла аэропавильон, или случай во вторую зимовку, когда – это было тоже в полярную ночь – радист Костя Томилин заболел воспалением легких, а баллоны с кислородом опустели. Коля задыхался, без кислорода он мог погибнуть, и Белов рискнул вылететь из Мирного на Восток. Покрутился над станцией и сбросил баллон, как торпеду, – садиться в семьдесят с лишним градусов нельзя, не взлетишь. Искали всей станцией, поморозились, измучились... Группа за группой входили и возвращались, падали на нары и засыпали. Костя молил: «Мне уже лучше, черт с ним, с баллоном», а Семенов с Гараниным сутки не спали и никому спать не давали: «Ищи, как хлеб ищешь, – тогда найдешь!» Специально взвешивал потом людей – в среднем на три килограмма похудели, но ведь нашли баллон! По привязанной к нему длинной ленте, кончик из снега торчал. Выкопали баллон – тоже работы на полсуток хватило, метра на три под снег ушел, и спасли Костю.

Вот это и есть внутренняя сила, скрытая, как скрывается она в ласковом штилевом море или безобидном на вид вулкане. И еще: Семенов и Гаранин оставались самими собой перед самым высоким начальством. Уважали его за должность и заслуги, но не суетились и милостей не выпрашивали – ни словами, ни поведением. А надо было – возражали, отстаивали свое и в обиду своих ребят не давали. И оттого характеры их приобрели цельность, без которой подлинно сильным человек быть не может.

Цельность – в этом все дело! Вот, например, Макухин. Властен, суров и груб – с нижестоящими. А для начальства – податливое тесто, лепи из него, что хочешь, и клади в любую форму. Нет в нем цельности, значит, нет ему и настоящей веры и сила его – показная, бенгальский огонь...

– Погоди-ка. – Семенов забрал у Бармина клещи с зубилом, отбросил. – Попробуем такой американский способ...

Семенов взял топор, сунул лезвие в щель:

– Бей!

Бармин с силой обрушил кувалду на обух топора. Совсем другое дело! А ну-ка, еще разок! Бац по обуху, еще и еще! Днище провалилось. Провалилось, будь оно трижды проклято!

Всхлипнув, Бармин уронил кувалду на унты, но даже не ощутил боли. Емкость была готова! Ну, еще приделать сверху и снизу два патрубка, ерунда.

Бармин оглянулся. Филатов, у которого носом пошла кровь, уже минут пять лежал в спальном мешке, Дугин и Гаранин раскрутили гайки и снимали крышку цилиндров с первого дизеля.

– Помоги выбраться, – попросил Филатов.

Бармин подсел к нему, опустил подшлемник: кровотечение остановилось, но резко осунувшееся лицо было мертвенно бледным.

– Разотри ланиты, детка. – Бармин похлопал Филатова по щекам. – Голой ручкой, она у тебя тепленькая.

А Гаранин тоже на пределе, подумал Бармин. И у Семенова подшлемник в крови, как это раньше не заметил. И все-таки полдела сделано!

Откуда Бармин мог знать, что самое тяжелое испытание еще впереди?

Нужно спешить

Семенов пожалел о том, что последнюю ночь в Мирном не спал.

Полночи просидел за делами с Шумилиным – утрясали план дальнейших рейсов на Восток, а потом до утра писал домой письмо, с подробностями, которые любила Вера: о морском переходе, встрече со старыми друзьями в Мирном, о разгрузке «Оби», погоде и пингвинах. Это письмо Вера будет перечитывать много раз, и Семенов не поскупился, накатал десять убористых страниц.

А теперь того сэкономленного сна не хватало, двое суток без отдыха – многовато для человека на куполе. Кажется, лежишь себе в полном покое, а сильными толчками бьется, не успокаивается перетруженное сердце, нестерпимо болит голова, и ноет измученное тело, будто не по дню – по нему били кувалдой. Семенов нащупал в кармане куртки пачку анальгина, вытащил таблетку и сунул ее в рот, но проглотить не сумел: и слюна не вырабатывалась, и язык, требуя воды, царапал пересохшее небо. Обычно, прежде чем лечь спать, восточники смачивали в воде простыни и сырыми развешивали их наподобие занавесок у постелей. Через несколько часов простыни становились совершенно сухими, но поначалу люди все-таки дышали увлажненным воздухом и засыпали.

Дрожа от набросившегося на него холода, Семенов вылез из спального мешка, быстро сунул ноги в унты, налил из термоса чашку теплой таяной воды, запил таблетку и юркнул в мешок. Не сразу, но боль в голове приутихла, зато вновь появилась тошнота, самая гнусная и ненавидимая восточниками примета горной болезни. Таблетку валидола под язык, пососал – и вроде бы полегчало. Теперь бы в самый раз хоть на часок вздремнуть. Семенов прикрыл воспаленные веки и приготовился к быстрому забытию, но услышал какие-то хлюпающие звуки и высунул голову. Возле нар, прибитый и жалкий, тихо скулил Волосан.

– Ш-ш! – Семенов высвободил руки, привлек Волосана к себе на нары и набросил на него два одеяла. «Эх ты, охотник за пингвинами! – ласково подумал он. – Вот, говорят, собачья жизнь на Востоке. Нет, Волосан, жизнь тут у нас совсем не собачья, плохо здесь вашему брату... Теперь близко к пингвинам не подойдешь? Ну, терпи, скоро очухаешься, гипоксированный элемент...»

Семенов взглянул на светящийся циферблат: люди спят полтора часа. А может, приутихли с закрытыми глазами, здесь это бывает, когда спать хочется до невозможности, а сон не приходит. Но даже такой неполноценный отдых очень важен для сердца и сосудов, которым трудно долго выдерживать натиск бунтующей крови. Человеческий организм – машина хрупкая и капризная, и когда начинают рваться сосуды, следует немедленно выключать двигатель. Потому и легли отдыхать: все, даже богатырь Саша, перемазались кровью. Но что ни говори, а за тридцать часов перевернули гору работы: сняли обе крышки цилиндров, подготовили емкость для охлаждения, промыли в керосине форсунки и гайки. Всех делов осталось часов на десять: смонтировать крышку цилиндров на блок-картере второго дизеля, подключить аккумуляторы – и поздравить себя с воскрешением. Генератор даст ток и тепло, задействует передатчик, и тогда, дорогой друг Коля Белов, будем поднимать флаг.

Не только я, подумал Семенов, наверняка не смыкает глаз и Шумилин. «Восток, я Мирный, слушаем вас на всех волнах...» С тех пор, как Белов удачно приземлился, прошли сутки, а Восток молчит, как воды в рот набрал, и кое-кто в своем воображении начинает сочинять на первую пятерку похоронку. Пойдет – уже пошла, не иначе – шифровка Свешникову, скоро начнется сыр-бор, что, как и почему... У кого-то язык на привязи не удержится (один болтун на коллектив – в порядке нормы), жены узнают и спать перестанут...

Как можно быстрее выходить в эфир! «Восток, я Мирный, у нас пурга, ветер южный двадцать пять метров, видимость ноль...» Хорошо сказал Андрей: «Ты забыл, Саша, что пурга в

Мирном продлится три недели» – это когда сам Андрей Гаранин умылся кровью и доктор вторично (на сей раз не для всех ушей) закинул удочку: попытаться сделать печку-капельницу и дожждаться Белова в тепле. Три недели, конечно, вряд ли, хотя и такое случалось, а дней десять – вполне возможно. Разницы, впрочем, особой нет, уже сегодня ночью столбик опустился до отметки минус пятьдесят и с каждым днем будет падать все ниже. Капельницу, пожалуй, сделать можно, а что дальше? Если станция не выйдет на связь еще день-другой, Белов будет забивать «козла» и ждать у моря погоды? Очень это на него не похоже. А похоже другое: Коля махнет рукой на пургу и попробует взлететь, но не станет ли этот полет для него последним?

Семенов встрепелся: как это раньше он не подумал о столь очевидной перспективе? Обязательно попробует, это в его характере, и сомневаться нечего! Нет такой ситуации, в которой Коля не усмотрит шанса. Припомнит, как взлетал на святом духе с «волейбольной площадки» и вслепую садился на «баскетбольную» (его словечки), постучит по дереву от сглаза, трижды через плечо плюнет – и попробует. Как тогда, в тундре, тоже ведь никто не верил, а взлетел!

Лет пятнадцать назад произошел с Беловым такой случай. Летал он тогда на дряхлом У-2 и сел на вынужденную, километров восемнадцать не дотянул до Скалистого Мыса. Дело было в июле; в это время года тундра бурно расцветает, покрывается ягелем и цветочками вроде лютиков и маргариток и вообще становится необыкновенно живописной. Но красота эта для глаза, а путнику ходить по летней тундре – одна мука: почва оттаивает сантиметров на двадцать пять, амортизирует, словно резина, ноги вязнут по щиколотку, с непривычки того и гляди вывихнешь. Взял с собой Белов рюкзак с едой, ракетницу и только отошел от самолета, как появилась белая медведица с двумя медвежатами. Прыгая, как заяц, с кочки на кочку, Белов домчался до самолета, залез в кабину и задраил люк. Медведица подошла, понюхала рюкзак, который беглец с перепугу уронил, разодрала когтями и в две минуты слопала трехсуточный запас продовольствия. Понравилось. Взглянула на Белова очень выразительно, так что у него мурашки по телу пробежали, и улеглась спать. А медвежата, необыкновенно довольные такой редкостной игрушкой, вскарабкались на самолет и стали рвать обшивку. Белов выстрелил из ракетницы, напугал их, побежали ябедничать матери. Та проснулась, задала им трепку и снова улеглась. Тогда Белов выстрелил в медведицу – чуть в сторону, конечно, чтобы не поранить, а то обозленная зверюга разнесла бы легкую машину вдребезги. Медведица смахнула ракету лапой, облизала ее и кивнула, давай, мол, еще. Снова пальнул – медвежата с визгом побежали за ракетой, в жизни еще так весело не играли. Голодный, вне себя от злости, Белов чуть не сутки безвылазно проторчал в кабине: совестил медведей, обзывал их всякими словами. Да разве они, мерзавцы, поймут?

Когда они, наконец, ушли, Белов еще полсуток добирался до станции и пришел туда еле живой. Набросился на еду, отдохнул, посмеялся с друзьями над своим приключением, и все стали думать, как выручить самолет. Проще всего было бы дожждаться осени, когда тундра подмерзает, но это еще два-три месяца, и Семенов, который замещал начальника, вместе с Беловым придумал хитроумный план. Несколько дней всем коллективом к самолету таскали доски и соорудили этакий двухдорожечный тротуар длиной метров двадцать пять – будущую взлетную полосу. Потом разгрузили самолет – сняли вспомогательный движок, спальные мешки, слили почти весь бензин – и вкатили У-2 на дорожку. Теперь успех зависел от слаженности, синхронности общих действий. Человек десять взялись за хвост и за крылья, Белов запустил мотор, а Семенов стоял впереди с поднятой рукой и ждал сигнала. Предприятие было рискованное и требовало от летчика поистине ювелирной работы: в случае неудачи самолет мог скапотировать – и тогда неизбежна тяжелая авария. Самолет трясся, люди с трудом его удерживали, а Семенов неотрывно смотрел в лицо Белова, чтобы не упустить кивка. Не забыть ему его лица, сколько эмоций было на нем написано! Будто все существо свое Белов подключил к мотору, набравшему максимальные обороты, душу свою прибавляя к подъемной силе само-

лета! Кивок, Семенов резко опустил руку, люди мгновенно упали на землю, а самолет бешено рванулся по дорожке и взмыл в воздух! Дальше было просто. В полутора километрах на склоне пологого холма заранее подыскали площадку из выветрившихся камней, и Белов благополучно там приземлился. Подтащили туда движок, мешки и бензин, привели самолет в порядок, и Белов улетел – веселый, уверенный в себе и в своей неизменной удаче.

Таких удач у него было много. Однако, напомнил себе Семенов, еще никто не улетал из Мирного в сильную пургу. Он воссоздал в своей памяти план аэропорта Мирный, его взлетно-посадочную полосу. С трех сторон зона ледниковых трещин, с четвертой – ледяной барьер высотой в несколько десятков метров. И стоковый ветер с купола, двадцать пять метров в секунду. Возможно, такой летчик божьей милостью, как Николай Белов, и здесь может усмотреть свой шанс. Но очень возможно и то, что самолет, будто спичку, подхватит воздушный вихрь, изломает и выбросит либо в зону трещин, либо с барьера в море.

Кровь из носу и отовсюду, откуда она может прорваться, но от этого полета Колю нужно уберечь!

Семенов согрелся, в блаженной истоме замерло тело, так бы и лежал, скорчившись калачиком, в этом тепле. Не возникни тревожная мысль о Белове, провалялся бы, наверное, еще час или два, а теперь медлить преступно, гонит она кнутом на работу, как старую, измочаленную жизнью лошадь, которой уже и овса не надо, дали бы клоч сена и оставили в покое.

Семенов вздохнул, пожалел напоследок самого себя и стал выбираться из мешка.

Запуск

Хотя Семенов объявил подъем раньше, чем обещал, никто не жаловался и не бросал исподтишка взглядов на часы. По-настоящему заснуть ухитрился лишь один Бармин, и теперь он выглядел свежее других. Пока товарищи натягивали унты, Семенов поделился своими опасениями.

– Реальное дело, – согласился Гаранин. – Не усидит, попробует взлететь и сломает себе шею.

– Ногу, куда ни шло, – проворчал Дугин, поднимаясь во весь рост и с хрустом потягиваясь. А шейные позвонки наш док ремонтировать не умеет.

Семенов взглянул на товарищей. Их лица заросли щетиной, с пробивающейся сединой у Гаранина, рыжеватой у доктора. Филатов бодрился, хотя горная болезнь явно действовала на него сильнее, чем на других, а глаза сильно покраснели и слезились: выходя на улицу, он забывал надевать темные очки.

– Надо – значит, надо, – сказал он, и Дугин одобрительно кивнул. – Пошли, Женька, поищем лесу для треноги.

К ним присоединились остальные. Обшарили станцию, свалку и холодный склад, разыскали несколько рудстоек и сколотили из них треногу, установили над дизелем, оснастили ее блоком с капроновым шнуром и с превеликой осторожностью подвесили крышку цилиндров – два пуда чугуна. Теперь ее следовало опустить на шпильки блок-картера – предельно точно, чтобы не сбить резьбу. Эту ответственную операцию механики никому не доверили, опускали крышку вдвоем. Под ее тяжестью шнур натянулся струной, и Семенов с беспокойством подумал, что ни только треногу, но и капрон нужно было испытать на прочность. Тот самый шторм-трап, который когда-то оборвался в шурфе, тоже был из капрона, и Семенов тогда пришел к выводу, что при сильных морозах много надежнее обыкновенная пеньковая веревка, не говоря уже о манильском тросе. А синтетика есть синтетика, искусственные волокна холода не любят, становятся хрупкими и ломкими.

– Перекос!

Дугин приник всем телом к крышке, выравнивая ее на шпильках, а Филатов вцепился в шнур и напрягся, чтобы чуть-чуть ее приподнять. Дугин кивнул – опускай, мол, все в порядке. Удовлетворенно вздохнул, выпрямился.

– Можно убирать механизацию, Николаич.

Семенов и Бармин уволокли треногу в сторону, а механики слегка, пока что вручную, стали наживлять гайки на торчащие сквозь отверстия крышки шпильки.

– Сервируйте стол, друзья!

Паяльной лампой Гаранин раскалил добела стальной лист и швырял на него отбивные бифштексы. Способ старинный, в Арктике и по сей день любители так готовят оленину. Может, гурману такая пища и не пришлась бы по вкусу, зато для ее приготовления ни печки, ни сковороды с жиром не надо, мясо запекается в одну минуту.

– Обедать – не работать. – Филатов с готовностью присел на скамью. – Знаешь, Женька, чем трудовой день красен?

– Ну?

– Перерывом на обед и перекурами. Это не я, это в Древнем Риме один башковитый мужик придумал, по имени Сократ. Верно, док?

– Никогда такой ерунды Сократ не говорил, – засмеялся Бармин, присаживаясь. – Кстати, он жил и мыслил в Древней Греции.

– Пустобрех, – неодобрительно произнес Дугин.

– Сократ, древний гений и мудрец, – пустобрех? – оскорбился Филатов. – Знал, что ты неуч, но не думал, что такой глухой. Отец-командир, предлагаю организовать на Востоке курсы по ликвидации безграмотности, для Дугина и Волосана.

– Звонарь с глухой колокольни, – буркнул Дугин и тут же внес ясность: – Ты, а не Сократ.

Посмеялись, повеселели. Все-таки дело ощутимо идет к концу. Без особого аппетита поели (какой там аппетит, когда чувствуешь себя, будто после тяжелого похмелья!), с наслаждением опустошили двухлитровый термос крепкого чая и принялись за второй.

– Начнем зимовать, – размышлялся Дугин, – повар поставит в кают-компанию на тумбочку бак с компотом, подходи и пей, сколько влезет. Или ваш любимый клюквенный морс, Андрей Иванович, которым Михеич баловал.

– Михеич... – Бармин фыркнул. – А кто, рискуя своей безупречной репутацией, бочонок клюквы раздобыл, чтобы ваши хилые организмы витаминизировать?

– Ты, Саша, ты, – улыбнулся Гаранин. – Этот бочонок, кажется, всю зимовку искали в Мирном?

– У них было еще два, – оправдался Бармин. – А если от многого взять немножко...

– Житуха настанет, – продолжал мечтать Дугин. – Отстоишь вахту, купнешься в баньке – эх, без парной наша банька! – разденешься до трусов и в постельку, на полных восемь часов, да еще после обеда два часа для здоровья. Житуха!

– Нос у тебя побелел, фантазер, растирай! – прикрикнул Бармин. – Нужно же такое придумать – банька, постелька... Ты что, отмываться и спать без задних ног сюда приехал?

– Как в санаторий, – с негодованием поддержал Филатов.

– А ты? – возмутился Дугин.

– Лично я приехал сюда героическим трудом завоевывать Антарктиду.

– Тоже мне завоеватель... Краше в гроб кладут.

– Пусть тех, кто краше, и кладут, – возразил Филатов. – А мне торопиться некуда, молодой я очень, среднего комсомольского возраста. Я, может, еще «Москвича» купить желаю и махнуть на юг с одной забавной крошкой. Есть одна на примете, художественная гимнасточка.

Мороз пробивал каэшки, набрасывался на тело, и Семенов пожалел, что придется заканчивать этот пустой, но очень полезный для ребят разговор. В одной книге – какой, Семенов припомнить не мог – он вычитал такую сцену. Хирург произвел сложнейшую операцию, спас придворного, и тот, открыв глаза, первым делом спросил: «Как здоровье императора?» И тогда хирург обронил: «Царедворец ожил – оживет и человек». Этот афоризм очень понравился Семенову, который вообще ценил мысли, навевающие ассоциации. Юмор для него всегда был вернейшим барометром настроения. По своему опыту Семенов знал, что люди, перестающие шутить, погружаются в депрессию, последствия которой трудно предугадать. Так бывает с теми, кто впадает в полярную тоску, кем овладевают уныние и безнадежность. Тогда в коллективе, особенно в небольшом, могут появиться трещины, он перестанет быть монолитом и оказывается под угрозой распада. Семенов отдавал себе отчет в том, что такая опасность совсем недавно грозила его пятерке. А теперь успокоился: проснулся юмор – проснулся и коллектив.

Снег на Востоке летом и весной заготавливали впрок, чтобы хватило на суровые месяцы полярной ночи. Метрах в ста от жилого дома находился карьер, туда в погожий день выходили всем составом, пилили ручными пилами спрессованный снег, складывали пудовые монолиты на волокуши и отвозили к помещению. Работа тяжелая, труднее, пожалуй, на Востоке не было, и на ней часто срывались: к черту летела кровью добытая акклиматизация, снова начинались одышка, головные боли, тошнота и прочие прелести горной болезни.

Поэтому можно было лишь порадоваться оплошности товарищей из старой смены, которые, консервируя станцию, недостаточно плотно задраили в потолке люк. В том самом сугробе, что возвышался в кают-компании, снег был не очень крепко сбитый и его заготовка не требо-

вала сверхчеловеческих усилий. Семенов, Гаранин и Бармин набили снегом два стиральных бака, натаяли в кастрюле воды для питья, заварили чай и пошли к механикам в дизельную.

– Опаздываете! – весело встретил Семенова Филатов. – Это начальству положено – затягивать гайки!

– Не беспокойся, затяну, – в тон ему пообещал Семенов. – Всю зимовку на своей шкуре ощущать будешь.

– Шкура у меня дубленая, выдержит!

Изо всех сил старается парень сгладить впечатление от своего «Выходит, погибаться будем?», – подумал Семенов. Это хорошо, пусть старается, пусть чувствует, что фразу ту никто не забыл. То, что легко прощается, – легко повторяется, прощать нужно с трудом, чтобы семь потов сошло с человека, прежде чем окончательно смое с себя вину. Хватит самокритичности, осознает до самых потрохов – будет полярником, не хватит – пусть ищет свою долю на материке. А ведь фраза та, если подумать, не случайно вырвалась. Она – и от мальчишеской самоуверенности и, главное, от врожденной неприязни к начальству, которое, по убеждению людей такого склада, всякое дело клонит к личной выгоде и в ущерб подчиненным. Исходи то предложение от Гаранина или Бармина, Филатову и в голову бы не пришло артачиться, а раз от начальства – значит, ищи подвох и встречай в штыки.

– Ладно, посмотрим еще, какая у тебя шкура, – усмехнулся Семенов. – Первую порцию снега уже заготовили, ребята, как скажете – начнем его таять.

– Рано. – Склонившийся над дизелем Дугин с трудом выпрямился, положил гаечный ключ на верстак и сунул руки под мышки. – Не успели еще, Николаич, Венька сдуру поморозил правую клешню.

– Ну-ка. – Бармин осторожно снял с руки Филатова рукавицу и присвистнул. – За железо хватался?

– А ты попробовал бы иначе. – Филатов болезненно поморщился. – У Женьки вон шерстяные перчатки в заначке, а рукавицей не всякий ключ возьмешь.

– Обморожение второй степени, – доложил Бармин. – Пошли в медпункт, детка.

– Отдохни, дай ключ, – предложил Дугину Гаранин.

– Нельзя, перепутаете.

– Что перепутаю?

– Порядок затяжки гаек, Андрей Иванович. Их ведь нужно затягивать не лишь бы как, а от центра к краям крест-накрест, и за каждый прием на пол-оборота, не больше. Иначе такого можно натворить, горячими газами пробьет прокладку.

– А мне доверишь? – спросил Семенов.

Дугин поколебался.

– Лучше потом, Николаич, я сам попрошу.

– Хорошо, мы пока что баки со снегом принесем.

А неквалифицированная рабочая сила пригодилась тогда, когда пришло время затягивать гайки до упора. Казалось, позади самое трудное, а эта работа неожиданно потребовала от всех полной отдачи. Для удлинения плеча рычага в ключ вбили пустотелую стальную трубку и налегали на нее изо всех сил. Если гайка не проворачивалась больше ни у кого, за ключ брался Бармин. Обычно ему удавалось сделать еще пол-оборота, и на этом можно было ставить точку.

Закончили, молча уселись кто куда, выжатые. Бармин принес термос, налил каждому по чашке горячего чаю.

– Двужильный ты, док, – с невольным уважением сказал Филатов. – Тебе не клистирами командовать, а подъемным краном работать.

– Да, не пожелал бы я хлюпику вроде тебя встретиться со мной в темном переулке, – охотно согласился Бармин. – Витаминами нужно кушать, детка, зубки на ночь чистить, проказник ты этакий! И старших слушаться. Тогда вырастешь большой, толстенький и румяный.

Прикрыв глаза и расслабившись, Семенов вспомнил о том, как приехал когда-то на побывку к родителям и на редкость удачно и своевременно заболел: не случись того приступа аппендицита, так бы и не познакомился с Барминым и вместо Саши был бы сейчас на Востоке кто-то другой. А нужен был именно Саша, и никакой замены ему Семенов не видел. Удачно...

Поймал себя на том, что засыпает, встряхнулся и зябко повел плечами. Правильно сказал Амундсен: единственное, к чему нельзя привыкнуть, – это холод. Ничего, скоро согреемся.

Пока механики монтировали на крышке цилиндров стойки коромысел, форсунки и другие детали, Бармин прочистил авиационную подогревательную лампу. С ее помощью нагнали воды в баках и перелили в емкость, потом проветрили помещение, подтащили оба аккумулятора для стартерного запуска, и Дугин подключил их к клеммам стартера.

– Все проверил? – спросил Семенов.

– Кажись, все, Николаич, можно запускать.

– Ничего не забыли?

Дугин развел руками.

Ощущая сильное волнение, Семенов покосился на товарищей, столпившихся у дизеля. Все замерли, неотрывно глядя на кнопку стартера.

– Давай, что ли, – хрипло сказал Филатов.

Дугин посмотрел на Семенова и вдавил большой палец в кнопку.

– Да запускай же! – прикрикнул Семенов.

Дугин отпустил и снова нажал на кнопку, потом еще и еще.

Стартер не работал.

Белов

Стоковый ветер с купола свирепствовал третьи сутки.

В дома, которые еще со времен Первой экспедиции занесло многометровой толщей снега, свист пурги не доходил, там было тихо и спокойно, и лишь неизбежные, три-четыре раза в день вылазки в кают-компанию заставляли обитателей Мирного проклинать опостылевший стоковый ветер. Впрочем, двадцать пять метров в Мирном – это еще не пурга: далеко холить никому не нужно (разве что за мясом на холодный склад, что на седьмом километре, там есть аварийный запас), метеоплощадка, аэрология и прочая наука – под рукой, и если соблюдать элементарные требования техники безопасности, такая пурга особых хлопот не доставляет. Ну расчищать двери, выходы из тамбуров нужно, радиозонды с удвоенной осторожностью запускать и к барьеру близко не подходить, чтобы не свалиться в море. Другое дело, если задает по-настоящему, метров на сорок-пятьдесят в секунду; здесь уже всякие шутки в сторону, в двух шагах от дома можно погибнуть. Когда на станцию обрушивались такие ураганы, жизнь замирала. Люди выходили на свежий воздух при крайней необходимости и только в связке, передвигались, держась за леера, и по прибытии на место немедленно докладывались дежурному. Многого не досчитывались в Мирном после такого разгула стихии. Ветром опрокидывало столбы электропередачи, гнуло антенны, уносило за тридевять земель все, что плохо лежало, а однажды ураган, переваливший за двести километров в час, сорвал с мертвяков самолет ИЛ-12 и утопил в море его обломки.

Хуже всех в непогоду летчикам. Они вообще по натуре народ деятельный и нетерпеливый, на земле работа для них не работа, по-настоящему полноценность свою они ощущают лишь в воздухе и потому острее, чем люди других профессий, переживают унижительную зависимость от погоды. Особенно полярные летчики, для которых нормальные метеорологические условия – редкое и счастливое исключение. Жесткие наставления и инструкции связывают полярных летчиков по рукам и по ногам настолько, что, если захочешь летать по правилам, будешь почти всегда сидеть на земле. Нигде так природа не сопротивляется авиации, как в высоких широтах. Можно взлететь – на трассе непогода; видимость «миллион на миллион» – в месте назначения низовая пурга; погода лучше не придумаешь – не проходят короткие радиоволны, и нарушается работа компасов, а на ориентиры в полярной пустыне не очень-то надейся; все и везде идеально, так самолет обледенел... Хочешь летать в высоких широтах – готовься к тому, что каждый день будешь рисковать, нарушать инструкции. А не нравится такая перспектива – летай над Большой землей. Тоже будут любимые летчиками острые ощущения, но в пределах установленных правил...

Не узнав на радиостанции ничего нового, Белов, держась к ветру спиной, пошел на Комсомольскую сопку и по железной лесенке забрался на смотровую площадку, образованную верхом огромной цистерны.

Мирный замело по самые тамбуры; когда стихали порывы ветра, можно было увидеть лишь силуэты нескольких домиков, защищенных от пурги складками местности. Снежным одеялом покрылись скалы островов, оторвало от берега и унесло в море припайный лед, сторожевыми башнями возвышались айсберги, давным-давно севшие на мель и ставшие неотъемлемой частью здешнего пейзажа. Через месяц-полтора, подумал Белов, многое переменится: могучий лед снова скует море Дейвиса, на свежий припай придут тысячи императорских пингинов, и понемногу наступят сумерки, переходящие в долгую полярную ночь.

Припай! Был бы он сейчас, многокилометровый железобетонный припай, – никаких проблем, поднялся бы с него в два счета. Ледяной барьер – естественная и лучшая защита от стокового ветра, разогнался бы вдоль берега...

Белов знал одно: раз Семенов молчит – ему плохо. Рация здесь ни при чем; если даже вышла из строя – на Востоке есть запасной передатчик. А вот если что с дизелями – дело швах, без тепла долго не продержаться...

Остро ощутив свою беспомощность, Белов неожиданно вспомнил, как безусым мальчишкой, только что закончившим летную школу, напросился выручать друга. Было это в сорок третьем, возле Геленджика. Петьку Кольцова подбили в воздушном бою, и ребята видели, как он выбросился с парашютом на ничейную землю. Белов полетел к нему на ПО-2, и вдруг – «мессер». Немец обрадовался – уж очень добыча легкая, беззащитный «кукурузник», деваться ему некуда – и рукой провел по горлу: сейчас, мол, будет тебе «чик-чик». Было очень обидно погибать без всякой драки; Белов вытащил пистолет и для очистки совести пулянул по веселому немцу. Попал! Одним-единственным выстрелом сбил «мессера» – в первом боевом вылете. И спас изумленного такой развязкой, безмерно счастливого Петьку. А вернулся на аэродром – комполка Савельев, Герой Советского Союза и замечательный ас, вызвал гордого своей удачей мальчишку из строя и стал ругать его на чем свет стоит. Белов стоял навывтяжку, обливаясь потом и с недоумением слушая ругань: может, спутал командир? А тот перевел дух и закончил: «Ну, что мне с тобой делать? Отлупить, в обоз перевести или наградить?» «Наградить!» – со смехом подсказали товарищи. Оказывается, ритуал был такой в савельевском полку...

– Белов тогда на ледовую разведку летал, а Мишка был у него бортмехаником. Самолет на корабле, выход в море все откладывается, и Мишка отправился на берег культурно отдохнуть. Малость перебрал, в каюту идти побоялся и лег спать в шлюпке. Проснулся – на одной ноге есть ботинок, а на другой нет, потерял по дороге. Разозлился, выкинул его в море, надел резиновые сапоги и пошел покупать новую обувь. Только ступил на берег – видит, торчит из грязи потерянный ботинок. Вытащил его, обложил задушевыми словами и швырнул в набежавшую волну. Возвращается на корабль с обновой, а один матрос говорит: «Миш, не твой ботинок? В море плавал, выловили». Мишка сердечно поблагодарил, взял ботинок и с такой силой запустил его в море, что чуть сам за ним не вылетел...

– Старик идет, братва!

Стряхивая с себя снег, в комнату вошел Белов. Хмуро обвел взглядом лежащих на койках товарищей.

– Дым коромыслом, посуда не вымыта. Кто дежурный?

– Жолудев! – выкрикнул кто-то под общий смех.

Белов жестом успокоил возмущенного штурмана, усмехнулся и сел за стол. Шутка имела старое происхождение. Несколько лет назад Жолудев, яростный борец за чистоту и самый аккуратный человек в отряде, попал в нелепое положение. В Амдерме бушевала пурга, и летчики изнывали от скуки в гостинице. В переполненном номере было накурено, на полу валялись окурки, постели разбросаны. И тут в гости к экипажам появился сам начальник полярной авиации. Вошел, округлил глаза.

– Грязь! Вертеп! Кто окурки набросал?

– Жолудев, товарищ начальник!

– Безобразия! Чья постель перерыта?

– Жолудева, товарищ начальник!

– Где Жолудев?

– Я, товарищ начальник! Только это все...

– Молчать! Всем покинуть помещение, Жолудеву – произвести уборку и выдраить пол!

Через час лично проверю.

И взбешенный Жолудев остался выполнять приказ – нрав у начальника был крутой.

Белов забарабанил пальцами по столу, и все притихли.

– Леша, – обратился он к радисту, – когда последний раз звонил в радиорубку?

– Только что.

– Ничего?

– Молчат.

Снова барабанная дробь по столу.

– Так... Анекдоты будем рассказывать или мозгами пошевелим? Дима, план аэропорта на стол.

Летчики переглянулись: начальник явно что-то задумал.

– А как думаешь вырулить на полосу? – недоверчиво спросил Крутилин.

– Двумя тракторами, – кивнул Белов. – Спереди и сзади, как на растяжках. Первый разворачивается, второй подстраховывает. Тросы подцепим на шасси. Становимся против ветра, запускаем двигатели и освобождаемся сначала от заднего трактора, потом от переднего. При таком ветре для разбега достаточно метров четыреста, ну, пятьсот. Чего молчишь, Ваня?

– Что-то «ура» кричать не хочется, – пробормотал Крутилин, почесывая в затылке. – Был бы ветер метров пятнадцать...

– Тогда бы и разговора этого не было, – усмехнулся Белов. – А ты, Дима?

– Ты полетишь, Кузьмич, и я полечу, – ответил Жолудев. – Но, скажу тебе, шансов – кот наплакал...

– Ребята на Востоке погибают, а ты – шансы... Когда связывался с «богом погоды»?

– С полчаса. Двадцать шесть метров, Кузьмич... Может, на полосу и вырулим, а что толку? И самолет и себя поломаем.

– Ну, пусть не пятнадцать метров, – подал голос Крутилин. – Хотя бы двадцатиждемся, Коля.

Белов встал, подошел к телефону, набрал номер.

– Ты, Петрович? Белов. Когда дашь погоду?.. Не знаешь, сукин ты сын? А знаешь, что Серега трети сутки на связь не выходит? Не бог ты, а трепло!

Бешено швырнул трубку на рычаги.

– Докладывать погоду каждые полчаса. Всем ясно?

Пришла беда – открывай ворота

Проверили, для страховки еще раз зачистили контакты и клеммы.

– Пуск!

Дугин нажал на кнопку.

– Не срабатывает, – упавшим голосом сказал он.

– Вижу, не слепой. – Семенов обернулся к Филатову: – Тестер!

Филатов засуетился в поисках прибора. Все молчали.

– Проверить аккумуляторы!

Филатов склонился над первым аккумулятором, проверил на плюс и на минус все три банки. Стрелка на шкале тестера прыгала, фиксируясь на цифре 2.

– Порядок, Сергей Николаич, шесть вольт!

– Второй аккумулятор!

На этот раз Филатов возился долго, то и дело зачищал провода, встряхивал тестер.

– Чего копаешься? – не выдержал Дугин. – Давай мне.

– Копайся не копайся... – пробурчал Филатов, вставая. – На трех банках ноль – и все дела.

– Ноль?! – Семенов изменился в лице. – Что там, Дугин?

Дугин встал, с ненужной аккуратностью почистился от снега. Ничего больше не спрашивая, Семенов нагнулся над вторым аккумулятором и сорвал с него войлочный чехол. Выпрямился, тяжелым взглядом обвел обоих механиков.

– В Мирном проверяли аккумуляторы?

– А как же, Сергей Николаич, – торопливо откликнулся Филатов. – Не сомневайтесь, новенькие были, с иголки.

– Ты сгружал?

– Я... Мы вместе с...

– Не ронял вот этот?

Филатов вздрогнул и медленно обернулся к Дугину. Тот недвижно стоял, вперив взгляд в аккумулятор.

– Ну? – резко напомнил Семенов.

– Не ронял я его, Сергей Николаич...

– Так почему же, – Семенов говорил тихо, а каждое слово врубалось хлыстом, – в его корпусе трещина? Вот она. Через нее из всех трех банок вытек электролит... Выкинуть эту рухлядь!

Семенов гневно пнул аккумулятор ногой.

– погоди, Сергей, – спокойно и увещающе произнес Гаранин. – Мы-то с Сашей не очень в этом деле... Вышел из строя аккумулятор? Ну и что? Свет на нем клином сошелся?

«Может, и сошелся», – взглядом ответил ему Семенов.

«Тем более нужно держаться достойно», – взглядом сказал Гаранин.

– Может, это я уронил, когда перетаскивал в дизельную, – виновато предположил Бармин. – Конечно, это, наверное, я.

На слова Бармина никто не обратил внимания.

– Чего вы на меня все смотрите? – вдруг взорвался Филатов. – Не ронял я его! Не ронял!

– Что ты, Веня, тебя никто и не обвиняет, – мягко сказал Гаранин. – Я уверен, что трещина могла образоваться от разницы температур. А, Сергей?

Семенов покачал головой, повернулся к дизелю и замер. Рядом стояли Бармин и Гаранин.

Филатов, которого будто что-то душило, сделал шаг к Дугину, рванул подшлемник. Дугин отшатнулся.

– Ах ты, сволочь... – сорванным шепотом. – Смолчал, сволочь...

– Дугин, – позвал Семенов, не оборачиваясь. – Готовь дизель к ручному запуску.

– Само собой, Николлаич. – Дугин торопливо подошел к дизелю. – Сначала картер нужно лампой прогреть.

– Сколько тебе на это понадобится времени?

– С полчаса, не меньше, масло-то застыло.

– Какая сволочь!.. – Филатов шатаясь побрел к двери. Распахнул ее, содрогнулся в жестких спазмах. Бармин быстро подошел, стал гладить его по спине.

– Да забудь ты про этот аккумулятор, черт с ним, – ласково, как ребенка, начал успокаивать он. – Идем, разведу тебе сгущенки, чайку выпьешь...

– Наизнанку... всю душу... – чуть слышно простонал Филатов. – Сволочь... вот этими руками...

Бармин с тревогой прислушивался. К ним приблизился Гаранин.

– Ну, что вы там? – окликнул Семенов, не заметив предостерегающего жеста Бармина. – Слышали? Будем запускать вручную.

– Вручную? – Филатов оттолкнул Бармина, порывисто обернулся. Глаза его, и так покрасневшие, залились кровью. – Вручную? Да ты знаешь, что такое запускать здесь вручную? Дудки! Лягу и подохну! Пропадите вы пропадом вместе со своим Востоком!

Филатов рванулся было на свежий воздух, но его силой удержал Гаранин.

– Ты просто очень устал, Веня, – сказал он. – Саша, помоги ему лечь отдохнуть.

Филатов сбросил с плеча руку Гаранина, всхлипнул. К нему подошел Семенов.

– Молод ты еще подыхать, Веня, – дружески улыбнувшись, сказал он. – Забыл, что «Москвича» хотел купить и на юг махнуть?

– К черту? – все громче всхлипывал Филатов. – Всех к черту!

Семенов пристально всмотрелся в него, неожиданно схватил одной рукой за грудь, а другой ударил по лицу, один раз, второй. Филатов отшатнулся, сжал кулаки и дико расширил глаза.

– За что, гад?

– За то, что не хочешь жить, сукин ты сын! – заорал Семенов. – А я заставлю тебя, понял?

– Не заставишь...

– Заставлю – силой!

– Не имеешь права...

– Ошибаешься, имею! – Семенов снова встряхнул Филатова и толкнул его на покрытую спальным мешком скамью. – Возомнил о себе, пацанье! Хозяин твоей жизни на станции – я! Ты лишь оболочка, в которой она трепыхается, понял?

– А ты... – Филатов попытался подняться.

– Как разговариваешь, мальчишка! – загремел Семенов, силой удерживая Филатова на месте. – Мы с тобой на брудершафт не пили!

– Хорошо... – Глаза Филатова постепенно приобретали осмысленное выражение. – После зимовки я тебе... я вам... кое-что припомню. Память, отец-командир, у меня хорошая... Так врежу!

– Вот это «речь не мальчика, но мужа», – согласился Семенов. – После зимовки. Тогда что – по рукам?

Филатов растерянно пожал протянутую ему руку. Криво усмехнулся, встал.

– Так врежу...

– Подготовился, Женя? – деловито спросил Семенов. – Одной лампы хватит или лучше двумя?

– Еще сожжем друг друга... А можно и двумя.

– Веня, – окликнул Семенов, – бери вторую лампу. И по-быстрому, время не ждет.

Пока механики разогревали картер дизеля, Семенов, прикрыв глаза, отдыхал и приводил в порядок свои мысли.

В то мгновение, когда он понял, что из второго аккумулятора вытек электролит и стартерный запуск стал невозможен, сознание безысходности затуманило мозг. Двое суток собирали дизель, не только душу – плоть свою, сердце, легкие и кровь вложили в него, и все перечеркнула ничтожная трещина в корпусе аккумулятора. Вспомнилось чье-то: «Улыбочка, как трещинка, играет на губах». Нет, не улыбочка, – ехидная усмешка, гримаса пиковой дамы! И не играет, шипит: «Зря старались, голубчики, дизель еще попьет из вас кровушки!»

Одна никчемная трещинка – всю работу!

Сизифов труд – вручную на Востоке запускать дизель. Израсходовались люди, разменяли, истратили последний рубль. Тоже чье-то: «Похоронили мы силы наши под обломками наших надежд». Двое уже так думают, усмехнулся про себя Семенов, – ты и Филатов. А может, один ты, потому что Филатов больше ни о чем думать не станет – он будет вкалывать, пока сердце не лопнет.

– Саша, – негромко позвал Семенов, – будь другом, приготовь кофе. Покрепче.

Был уже такой случай, когда в мгновение рухнули надежды и малодушно хотелось умереть. Ну, шурф не в счет, там умирать было стыдно – из-за собственной глупости, да еще в одиночку. Случилось это много лет назад на Льдине, под самый конец полярной ночи. Двое суток торосы давили, крошили Льдину, ушли под воду кают-компания и дизельная, поломало домики. Двое суток без сна и отдыха по мосткам, перекинутым через трещины, люди таскали ящики и мешки с продовольствием, палатки и оборудование – спасались от вала торосов. И вот наконец подвижки прекратились, все стихло. Полумертвые от усталости, кое-как установили палатки и только улеглись кто куда, как снова толчок и грохот лопающегося льда. И тут Семенов вывихнул руку. Как это произошло, он не понял, лишь почувствовал удар и дикую, непереносимую боль. А жаловаться было некому, нужно снова таскать ящики и мешки, и он, едва ли не теряя сознание, таскал одной рукой, пока не споткнулся на мостике и не упал в ледяную воду. Тогда-то он и готов был умереть, но Андрей не позволил – подцепил багром за каэшку, удержал на поверхности, вытащил. А дальше было забытье, сон с кошмарами и пробуждение в жарко натопленной палатке.

– Пей, Николаич. – Бармин протянул кружку. – Беру твой метод на вооружение, даже название придумал.

– Какой метод? – не понял Семенов.

– Мордобой как средство прекращения истерики.

– Брось, – поморщился Семенов, прихлебывая кофе. – А то как врежу...

Они рассмеялись.

– Кофе, ребята! – объявил Бармин. – Держите кружки.

– Принимайте гостя! – послышался голос Гаранина, и в дизельную тихо скользнул Волосан. Шкура его сваялась, морда вытянулась, а хвост, который Волосан всегда так гордо держал трубой, волочился по полу.

– Как это я забыл! – ахнул Бармин, доставая из кармана тюбик. – Ко мне, бедолага! Открой пасть. И не смотри на меня грустными собачьими глазами, срок твоей путевки еще не истек. «О люди, куда вы меня затащили?» – спрашивает Волосан. – Кончайте эту прескверную шутку!» А-а, нравится?

– Что это у тебя? – поинтересовался Гаранин.

– Сгущенное какао с молоком, любимая пища нашего гипоксированного друга. Правда, Волосан? Отреагируй!

Волосан облизнулся, твякнул по щенячьи и снова раскрыл пасть. Все заулыбались.

– А ты так умеешь, Веня? – спросил Бармин.

Филатов продолжал молча пить кофе и шутки не принял.

– Помнишь Бандита, Андрей? – Семенов вздохнул. – Какая любовь была! До сих пор чувствую себя виноватым.

– Это на Лдыне, – пояснил товарищам Гаранин. – Был у нас такой рослый лохматый пес Бандит, сибирская лайка. Фокусник и умница вроде Волосана, мог запросто выступать в цирке. И вот однажды Коля Белов, большой любитель сюрпризов, привез нам со станции Челюскин свинку по имени Пышка. Мы думали, начнутся между нашим зверьем склоки, но ошиблись – Бандит с первого взгляда в нее влюбился, целыми днями сидел у деревянной клетки и лизал Пышкин пяточок. Все-таки животное, а люди – разве они поймут все, что происходит в собачьей душе? Но время шло. Пышка росла на глазах, пора ее готовить на камбуз, а никто не мог решиться – рука не поднималась. Наконец нашелся один смельчак, пристрелил из карабина. Бандита в тот день «арестовали», заперли в домике, а когда выпустили – всю станцию обегал, пока не понял, что не увидит больше своей любимой Пышки. И долго был безутешен, ничего не ел, только снег лизал...

– А ты? – упрекнул Волосана Бармин. – Способен ли ты на такую бескорыстную любовь к простой, необразованной пингвинке?

Волосан попытался сделать стойку, но не смог и виновато заюлил хвостом.

– Ладно, поверим на слово. – Бармин погладил собаку и спрятал отощавший тюбик. – Укладывайся в спальный мешок здесь, нечего прятаться от коллектива.

– Масло прогрето, Николаич, – сообщил Дугин. – Можно начинать.

– А топливная система в порядке? – Семенов знал, что в порядке, только что на его глазах механики осматривали насос и форсунки, и поймал себя на том, что неосознанно хочет оттянуть начало работы. Организм не был на нее запрограммирован, что ли, – не только у него, у всех пятерых людей, столпившихся у дизеля. Пока сидели, пили кофе, гнали от себя эту мысль. Дугин даже втихаря еще раз поколдовал над аккумуляторами, надеясь на чудо. Не там искал, чудо – что они дизель смонтировали и на ногах остались...

Рукоятка запуска находилась у дизеля внизу и была похожа на изогнутую ручку, какой заводят моторы автомашин. В этом положении рукоятки Семенов видел главную трудность – чтобы ее раскрутить, нужно было многократно нагнуться всем телом почти до пола. А нагнуться было мучительно тяжело – прерывалось и так сбитое дыхание, кровь бросалась в голову, и к горлу подступала отвратительная тошнота.

– Х-холодно, – Бармин передернул плечами. – Дай согреться.

– Я начну, покажу.

Дугин взялся обеими руками за рукоятку, напрягся так, что на лбу вздулись жилы, с огромным усилием провернул один раз, другой, третий.

– Масло... вязкое, – тяжело дыша, пояснил он. – Первые обороты... самые трудные...

– Отвались... – Филатов встал на место Дугина, согнулся. – Р-раз... два... три... четыре...

– Куда прешься без очереди? – прикрикнул Бармин на Дугина и сам взялся за рукоятку. – Дай-ка я ее уговорю...

На десятом обороте Бармин задохнулся. Не в силах выпрямиться, так и стоял, согнувшись и с шумом втягивая в себя воздух.

Бармина сменил Семенов, его – Гаранин, потом снова Дугин, Филатов и Бармин.

Шли третьи сутки на Востоке, а ничего труднее той работы первой пятерке еще не выпадало. И делать ее пришлось тогда, когда люди перешагнули свой предел.

Первым свалился Гаранин. У него сильно пошла носом кровь, и Бармин уложил его в спальный мешок отдыхать. Остались вчетвером, но Дугина затрясло в изнурительном спазматическом кашле с кровью. А рукоятку крутили трое. Поднялся Гаранин – впал в обморочное состояние Семенов.

Дизель не запускался. Люди продолжали работать, как в тяжелом сне.

Филатов

Бывает так, что с виду человек никчемный и беспомощный хлюпик, даже сострадание к нему испытываешь – так мало в нем жизненных сил, способности к борьбе за существование. Жалеешь его, ищешь, чем бы ему помочь, как уберечь от толчков и пинков, и вдруг с удивлением видишь, что хлюпик тот великолепнейшим образом сам себя защищает: ступят на него – выпрямится, плюнут – отряхнется, как ни в чем не бывало, да еще исподтишка фигу в кармане покажет. С виду – тщедушный одуванчик, а на самом деле вполне живучий толстокожий репейник! Отсутствие настоящей закваски он восполняет редкостной приспособляемостью и полнейшей беспринципностью – цель оправдывает средства. А если покровителя найдет и в сильненькие пробьется – берегись, за все унижения свои отомстит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.